

ЛИРА ОСКОЛЬСКАЯ

Иногда тот,
кто приходит к тебе
во сне, оказывается
рядом в тишине
ночной палаты...

307

Все
вылечим.
иначе я
останусь
без работы

ВРАЧ-ТЕРАПЕВТ
ЛЕНУ ЛЮБЕК.
Иногда
из сердца

Он привык
спасать других.
А теперь
его спасает она.

Ночь, когда ты приходишь

ВЗРОСЛЫЙ ЛЮБОВНЫЙ РОМАН
С ЛЕГКОЙ МИСТИКОЙ И ЮМОРОМ

18+

Лира Оскольская

Ночь, когда ты приходишь

<https://litres.ru/74410523>

SelfPub; 2026

Аннотация

Елена - терапевт, разведена и уверена, что любовь осталась в прошлом. Максим - бывший пожарный, привыкший спасать, но теперь сам попал в больницу. Ночные дежурства, случайные разговоры и одно прикосновение меняют всё. Только вот Елена его врач, а Максим видит по ночам то, чего не должно быть. Удастся ли им сохранить дистанцию, когда между ними уже не только больничная палата? Тёплая, взрослая и чуть загадочная история для тех, кто верит, что любовь приходит не вовремя, но именно тогда, когда нужнее всего.

Содержание

Глава 1. Третий Этаж.	4
Глава 2. Мужчина, который не умел болеть.	18
Глава 3. Там где сильным тоже бывает страшно.	35
Глава 4. После полуночи.	48
Глава 5. 14 дней.	61
Глава 6. Медсестра.	72
Глава 7. То,чего он боялся больше всего.	84
Глава 8. Выходные	95
Глава 9. По ту сторону сна.	105
Глава 10. За пределами палаты.	117
Конец ознакомительного фрагмента.	128

Ли́ра Оско́льская

Ночь, когда ты приходишь

Глава 1. Третий Этаж.

В больнице утро начиналось раньше, чем в остальном городе, и совершенно не интересовалось тем, насколько человек к нему готов. В пять утра где-то уже звенела первая чашка, в пять десять хлопала дверь ординаторской, в пять двадцать санитарка начинала двигать по коридору тележку с бельём, а к половине шестого больница окончательно просыпалась, хотя за окнами ещё стоял сероватый утренний сумрак. Город в это время только собирался вспомнить о своих делах. Где-то включались первые автобусы, на перекрёстках загорались светофоры, люди сонно тянулись к остановкам, проклиная будильники и собственную предусмотрительность, заставившую их лечь спать всего несколько часов назад. В больнице же всё происходило наоборот: здесь день никогда не начинался с нуля. Он просто продолжался. За ночь кто-то успевал почувствовать себя лучше, кто-то хуже, кто-то звонил родственникам, сообщая, что всё под контролем, хотя никакого контроля у него не было, а кто-то впервые за долгое время действительно засыпал, потому что лекарство наконец победило боль.

Наша героиня романа - Елена любила это странное больничное утро. Вернее, она любила первые полчаса после того, как приходила на работу. Потом начиналась настоящая жизнь. Она вошла в отделение с бумажным стаканчиком кофе в одной руке и телефоном в другой, на ходу расстегивая лёгкое пальто. Короткое каре слегка растрепалось от ветра, и она машинально пригладила волосы ладонью, даже не заглянув в зеркало.

— Доброе утро, Елена Сергеевна, — донеслось из пестовой.

— Это вы сейчас искренне или по служебной необходимости?

Медсестра подняла глаза от журнала.

— По должности.

— Тогда принимается.

Елена поставила кофе на край стола и заглянула в историю болезни, которую уже успели положить сверху. Третий этаж терапевтического отделения был её маленькой вселенной. Не самой красивой, не самой тихой и уж точно не самой предсказуемой, зато настоящей. Здесь люди быстро переставали изображать из себя тех, кем привыкли быть дома, на работе или в компании друзей. Боль вообще плохо уживалась с социальными масками. Директор становился просто человеком с давлением сто шестьдесят на сто двадцать. Вечно занятой бизнесмен внезапно интересовался, когда принесут кашу. Строгая женщина, которая всю жизнь командова-

ла мужем, детьми и соседями по лестничной площадке, могла десять минут подряд рассказывать медсестре, что боится завтрашнего анализа, так, что от её напыщенности не оставалось ни следа.

А мужчины особенно часто делали вид, что ничего страшного не происходит и вообще сюда они попали, потому что их сюда привела жена или дочь. Елена давно знала эту породу. Чем сильнее болит, тем бодрее человек произносит: «Да всё нормально».

Она подняла стаканчик с кофе, сделала глоток и поморщилась. Кофе был уже холодным.

— Ну конечно, — пробормотала она. — Было бы странно, если бы хоть что-нибудь сегодня получилось с первого раза.

— Вы опять без завтрака?

Елена обернулась.

— Я с кофе.

— Это не завтрак.

— Смотря какой у человека жизненный опыт.

Медсестра покачала головой.

— Вам самой пора лечиться.

— Всех вылечим, — совершенно серьёзно ответила Елена. — А если кого-нибудь не вылечим, я останусь без работы.

— Очень гуманная мотивация.

— Я просто практичный человек.

Это была правда. Елена вообще считала себя человеком практичным. В тридцать семь лет она уже успела понять,

что жизнь гораздо реже подчиняется красивым сценариям, чем хотелось бы, зато удивительно часто подчиняется расписанию дежурств, анализам крови и необходимости вовремя оплатить коммунальные услуги. Она была разведена уже несколько лет и совершенно не страдала от этого обстоятельства. Бывший муж существовал где-то в другой части города, иногда появлялся в переписке по бытовым вопросам и оставался человеком, с которым когда-то прожили достаточно долго, чтобы научиться не любить друг друга без особой трагедии, да и разошлись они, потому что уже давно были просто соседями.

У Елены был взрослый ребёнок, которому восемнадцать и который уже жил своей жизнью, периодически появляясь в её квартире с видом человека, пришедшего проверить холодильник на предмет продовольственной безопасности. В остальном её жизнь была устроена вполне прилично. Работа - Дом - Несколько близких людей. Книги, которые она покупала быстрее, чем успевала читать. Редкие встречи с подругами. И вечное ощущение, что двадцать четыре часа в сутках были придуманы кем-то, кто никогда не работал в больнице.

Елена взяла истории болезни и отправилась на обход. К семи утра отделение уже окончательно ожило. Из одной палаты доносился голос телевизора. В другой кто-то требовал открыть окно, потому что «здесь невозможно дышать», хотя окно было открыто настежь. В третьей пациентка спорила с соседкой по койке о том, кому принадлежит дополнительная

подушка.

— Она моя.

— Вам две зачем?

— А вам зачем?

— Мне для спины.

— А мне для души.

Елена остановилась в дверях.

— Если подушки начнут делить имущество, вызывайте меня. Пока я за мирное урегулирование.

Обе женщины замолчали.

— Елена Сергеевна, — сказала одна из них, — а у меня давление ночью было...

— Я знаю. Медсестра записала.

— А почему тогда...

— Потому что если я начну каждое утро заново выслушивать всё, что уже есть в карте, к обеду вылечится только мой интерес к медицине.

Пациентка улыбнулась. Елена тоже. Она умела разговаривать с людьми так, чтобы они не чувствовали себя маленькими и беспомощными. Это качество пришло не сразу. В первые годы работы ей хотелось каждому человеку всё подробно объяснить, убедить, успокоить, предусмотреть. Потом она поняла простую вещь: иногда человеку требуется не столько объяснение, сколько ощущение, что рядом находится кто-то, кто знает, что делать. Поэтому она говорила спокойно, иногда шутила, иногда брала пациента за руку. Иногда просто

садилась рядом на несколько минут, хотя этих нескольких минут у неё не было. Она не считала это особым профессиональным талантом- просто привыкла.

К девяти утра Елена уже успела выпить второй кофе, который тоже остыл, посмотреть результаты анализов, позвонить в диагностическое отделение и трижды ответить на один и тот же вопрос о выписке. в десять пятнадцать в отделение поступил новый пациент. Елена как раз стояла у компьютера, когда медсестра сказала:

— Новый в третью палату.

— Кто?

— Максим Андреевич. Сорок лет. Головные боли, спазмы, нарушения сна. Направление из приёмного.

Елена кивнула.

— Хорошо. Сейчас посмотрю.

Она открыла документы. Несколько строк: Жалобы. Предварительный диагноз. Результаты первичного обследования. Ничего необычного. По крайней мере, пока. Елена взяла историю болезни и направилась в третью палату. Максим лежал на кровати, но при её появлении почти сразу сел. И первое, что она подумала, было совершенно профессиональным: **хорошая физическая форма.**

Вторым было: **ему явно неудобно лежать без дела.** Третью мысль она предпочла пока вообще не формулировать. Мужчина действительно выглядел моложе своих сорока. Высокий, широкоплечий, с очень коротко подстрижен-

ными тёмно-русыми волосами и внимательными карими глазами. Даже больничная одежда не могла полностью скрыть привычку держать спину прямо и двигаться уверенно.

Он посмотрел на неё спокойно.

— Здравствуйте.

— Здравствуйте. Елена Сергеевна, лечащий врач.

— Максим.

— Я знаю.

— Тогда у меня уже нет преимуществ.

Елена невольно улыбнулась.

— Не переживайте. Пока вы пациент, преимущества всё равно у меня.

— Это звучит угрожающе.

— А я только начала.

Она подошла ближе и открыла историю болезни.

— Максим Андреевич, расскажите, когда начались головные боли.

— Около месяца назад.

— Раньше такого не было?

— Иногда болела голова. Как у всех. Но так -нет.

— Как именно?

Он немного подумал.

— Сначала появляется давление здесь.

Он коснулся виска.

— Потом будто стягивает голову. Иногда спазмами отдаёт сюда.

Он провёл пальцами по затылку.

— И чем дальше...

— Тем хуже. — До тошноты?

— Иногда.

— Свет раздражает?

— Да.

— Шум?

— Очень.

Елена записала несколько строк.

— Со сном как?

Максим посмотрел на неё с выражением человека, которого застали врасплох.

— Плохо.

— Насколько плохо?

— Засыпаю долго. Просыпаюсь несколько раз. Иногда вообще не сплю.

— Сегодня ночью спали?

— Нет.

Она подняла взгляд.

— Совсем?

— Совсем.

— Почему не сказали в приёмном?

— Сказал.

— И?

— Мне сказали, что утром будет врач.

— Ага... ну вот он я. Утро наступило.

Максим усмехнулся. Елена вернулась к истории болезни.

— Раньше лечились?

— Обезболивающие. Помогают ненадолго.

— Какие?

Он назвал несколько препаратов. Елена уточнила дозировку, частоту приёма, перенесённые заболевания, операции, аллергии. На вопросы Максим отвечал спокойно и подробно. Не преувеличивал, не пытался выглядеть героем, но и жаловаться не собирался. Это тоже было привычно. Особенно у мужчин. Особенно у мужчин, привыкших считать, что если они ещё способны самостоятельно дойти до двери, то ситуация находится под контролем.

— Работаете? — спросила она.

— Уже нет.

Он ответил так спокойно, что Елена почти пропустила интонацию.

— Почему?

На секунду в его лице что-то изменилось. Совсем немного.

— Был пожарным.

— Был?

— Ушёл на пенсию по выслуге.

Елена посмотрела на него внимательнее. Сорок лет. Пенсия. И головные боли, которые появились примерно в тот же период. Всё это требовало более подробного разговора, но сейчас она решила не торопиться.

— А теперь?

— Теперь пытаюсь понять, чем занимаются люди, когда им больше не нужно вставать по тревоге.

— Судя по вашей истории болезни, пока вы занимаетесь тем, что лежите в больнице.

— Уже освоил.

Елена закрыла историю.

— Сейчас вас осмотрим подробнее, назначим дополнительные обследования, посмотрим динамику. С болью будем разбираться отдельно.

— А со сном?

— Со сном тоже.

— Потому что я уже готов на всё.

— Не надо быть готовым на всё. Достаточно выполнять назначения.

— Доктор, у меня бессонница.

— Я поняла...

Он посмотрел на неё и впервые за всё время улыбнулся по-настоящему. Улыбка у него была неожиданно тёплой.

— А вы всегда такая строгая?

— Только до первой чашки кофе.

— А после?

— После я становлюсь добрее, но гораздо опаснее. -слегка улыбнулась.

— Буду иметь в виду.

Она снова улыбнулась и вышла из палаты. До конца рабо-

чего дня Елена ещё несколько раз вспоминала нового пациента, хотя сама не могла бы объяснить почему. Вернее, могла. Его случай требовал наблюдения. Головные боли, спазмы, бессонница - сочетание неприятное, но вполне объяснимое.

И всё же где-то на периферии сознания оставалось ощущение, что в этом человеке есть какая-то странная несостыковка. Он выглядел человеком, который привык спасать других, а теперь лежал в больничной палате и не мог заставить собственный организм уснуть. Елена решила, что это просто профессиональное наблюдение и на этом закончила думать о нём. До ночи.

После полуночи больница менялась. Днём она принадлежала людям. Ночью - тишине. Шум голосов исчезал, двери закрывались осторожнее, свет в коридорах становился приглушённым. Где-то далеко работал аппарат, из ординаторской доносился тихий звон чашки, за окном редкие машины скользили по мокрой дороге. Елена закончила с бумагами ближе к часу ночи. Она устала, очень.

Ей хотелось домой, горячего душа и восьми часов сна, которые, скорее всего, снова превратятся в шесть с половиной, но сначала обход. Она прошла по коридору, заглянула в одну палату, потом в другую. В третьей остановилась.

Максим не спал, он лежал на спине, глядя в потолок.

— Вы не спите?

Он повернул голову.

— Я бы с удовольствием, но организм решил, что сон - переоценённая роскошь. -попытался пошутить.

— Как голова?

— Лучше.

Она подошла к кровати.

— По шкале?

— Пять.

— Уже лучше.

— Было семь.

— Значит, лечение работает.

— Или я научился терпеть.

— Не будем давать организму лишних поводов для героизма.

Он слегка улыбнулся. Елена проверила пульс, давление, задала несколько вопросов. Потом поправила подушку. Максим закрыл глаза, но через несколько секунд снова открыл.

— А вы всегда ночью заходите?

— Я врач. Иногда приходится.

— Хорошо.

— Почему хорошо?

— Потому что когда вы заходите, кажется, что всё под контролем.

Она на секунду замерла. Такие слова пациенты говорили ей и раньше. Иногда благодарили. Иногда признавались, что боятся. Иногда просто хотели услышать знакомый голос.

Елена относилась к этому спокойно. Она машинально положила ладонь ему на грудь — поверх тонкой больничной рубашки, совсем ненадолго, так, как делала много раз с тревожными пациентами.

Просто чтобы успокоить. Просто чтобы дать понять: он здесь не один.

— Всё разберём, — тихо сказала она. — Вы сейчас под наблюдением. Боль снимем, с причиной разберёмся. А потом выспитесь. Обещаю.

Она убрала руку как закончила говорить, для неё этот жест был совершенно обычным. Максим смотрел на неё молча.

— Вы всегда так успокаиваете пациентов? — спросил он наконец.

Елена пожала плечами.

— Если человек позволяет.

— А если не позволяет?

— Тогда приходится разговаривать.

— Со мной, похоже, придётся разговаривать.

— Похоже на то.

Она уже собиралась выйти, когда он спросил:

— Елена Сергеевна?

— Да?

— А вы завтра тоже будете?

Она посмотрела на него. Вопрос был совершенно простой. И всё же почему-то прозвучал чуть дольше, чем дол-

жен был.

— Я ваш лечащий врач, Максим Андреевич. Конечно, буду.

— Хорошо.

Елена кивнула и вышла в коридор. Дверь тихо закрылась. Она пошла дальше, проверяя остальных пациентов, уже почти забыв об этом коротком разговоре.

А Максим ещё долго смотрел в сторону двери. И почему-то именно ощущение её ладони на груди запомнилось ему гораздо сильнее, чем все назначения, названия лекарств и слова о предстоящих обследованиях. Он закрыл глаза. Сон так и не пришёл. Но впервые за эту ночь боль казалась немного тише.

Глава 2. Мужчина, который не умел болеть.

На следующее утро Елена обнаружила, что Максим Андреевич способен разговаривать даже тогда, когда ему, по всем медицинским показаниям, следовало бы помолчать. Впрочем, это выяснилось ещё до того, как она успела войти в палату. Елена шла по коридору с историями болезни под мышкой, когда из третьей палаты донёсся голос Максима. Он что-то увлечённо рассказывал соседу, причём с такой обстоятельностью, словно они были знакомы много лет и успели обсудить уже всё - от политики до качества больничного питания.

— Я вот одного не понимаю, — говорил он. — Почему если человек попал в больницу, то автоматически считается, что он перестал быть голодным? Вот это для меня загадка. У меня, например, аппетит от температуры не исчезает. Наоборот, если я болею, мне хочется есть гораздо больше.

— А вам вчера каша не понравилась? — спросила медсестра.

— Я не сказал, что она мне не понравилась. Я сказал, что она напомнила мне детство.

— Это хорошо.

— Нет, — серьёзно возразил Максим. — В моём детстве

тоже была такая каша.

Елена остановилась у двери, пряча улыбку. За годы работы она успела познакомиться с разными способами переживать госпитализацию. Кто-то начинал подробно изучать медицинскую литературу и уже на второй день подозревал у себя редчайшее заболевание. Кто-то требовал немедленной выписки, потому что дома оставался кот, который, по словам хозяина, «без него вообще не справится». Кто-то звонил родственникам по пять раз в день, а потом жаловался, что родственники слишком много звонят.

Максим, судя по всему, выбрал разговор. Елена вошла.

— Доброе утро.

Максим повернул голову и на мгновение замолчал, словно только сейчас заметил, что у его утренней аудитории появился человек, способный оценить масштаб происходящего.

— Доброе утро, доктор, — сказал он с совершенно невинным выражением лица. — Мы тут обсуждали важные медицинские вопросы.

— Судя по последней услышанной мной фразе, вы обсуждали кашу.

— Питание имеет непосредственное отношение к медицине.

— Спорить не буду.

Елена поставила истории на столик и посмотрела на него внимательнее. Сегодня он выглядел лучше, чем вчера вече-

ром. Лицо оставалось немного уставшим, под глазами залегли тени после бессонной ночи, однако взгляд был ясным, а движения свободными. Он сидел, прислонившись спиной к подушке, и держался с той самой естественной уверенностью, которая вчера сразу бросилась ей в глаза. В нём вообще было что-то от человека, привыкшего занимать собой пространство, даже если он этого совершенно не стремился делать. Не демонстративно, без желания привлечь внимание просто так складывалась его манера держаться.

— Как сегодня голова? — спросила Елена.

— Сейчас лучше. Если по десятибалльной шкале, то примерно четыре.

— А ночью?

— Ночью было хуже. Хотя я, кажется, уже начинаю понимать принцип работы собственного организма. Он совершенно точно считает, что сон мне противопоказан.

Елена подняла глаза от истории болезни.

— То есть опять почти не спали?

— Практически нет. Засыпаю, потом просыпаюсь, потом лежу и смотрю в потолок. В какой-то момент начинаешь знать его устройство лучше, чем устройство собственной квартиры.

— Занимательное наблюдение.

— Там, кстати, есть пятно.

— На потолке?

— Да. Похоже на Африку.

Сосед по палате повернулся к нему:

— Я тоже видел.

— Вот видите, — оживился Максим. — Значит, мне не показалось.

Елена улыбнулась, хотя мысленно уже отметила несколько деталей: бессонница сохраняется, головная боль ночью усиливалась, но утром стала слабее. Важно было понять, как будет развиваться состояние в течение дня. Она подошла к кровати, проверила давление, пульс, задала ещё несколько вопросов. Максим отвечал охотно и подробно, иногда настолько подробно, что Елене приходилось мягко возвращать его к теме.

— Головокружение было?

— Когда вставал утром, немного. Но, думаю, это потому, что я резко поднялся.

— Насколько резко?

— Ну, как обычно. Встал и пошёл.

— Вот именно этого пока делать не надо.

— Я уже понял.

— Судя по всему, не очень.

— Хорошо, я исправлюсь.

Елена записала показатели.

— Тошнота? Зрение не двоится? Онемение конечностей? Слабость?

Ответ был на всё отрицательно, но на последнем Максим задумался.

— Если вы имеете в виду физическую, то нет.

— А если моральную?

Он посмотрел на неё и улыбнулся.

— Тогда определённо.

Елена не удержалась и тоже улыбнулась.

— Вот это уже ближе к правде.

Она закончила запись и закрыла историю.

— Сегодня вас снова посмотрит невролог. Будут дополнительные обследования. Пока продолжаем лечение и наблюдение.

— А если я буду хорошо себя вести, меня отпустят домой?

— Если будете хорошо себя вести, вам станет лучше.

— А домой?

— Это уже зависит от результатов.

— Я надеялся на более приятную систему поощрения.

— Больница вообще не то место, где стоит рассчитывать на поощрение.

Максим тихо рассмеялся, а затем вдруг спросил:

— А вы давно здесь работаете?

Вопрос был задан настолько естественно, что Елена ответила раньше, чем успела подумать, зачем он это спрашивает.

— Достаточно давно.

— То есть вы уже ко всему привыкли?

— Почти.

— Даже к пациентам вроде меня?

Она посмотрела на него поверх истории болезни.

— Особенно к пациентам вроде вас.

— И что, я настолько очевидный?

— Вы много говорите.

— Я?

— Вы.

Он сделал вид, что искренне удивлён.

— Мне кажется, я совершенно нормальный человек.

— Конечно. Просто вы оказались в больнице впервые и пытаетесь компенсировать отсутствие других развлечений разговором.

На несколько секунд Максим замолчал. Елена увидела, как изменилось его лицо. Совсем чуть-чуть, но достаточно, чтобы понять: попала точно.

— Я действительно раньше не лежал в больнице, — сказал он уже спокойнее.

— Никогда?

— Никогда.

Он посмотрел в окно, словно вспоминая. — В детстве пару раз болел дома. Ангина, грипп, обычные вещи. Травмы были, конечно. Но чтобы вот так... с палатой, капельницами, обходами - нет.

Елена кивнула.

— Тогда понятно.

— Что именно?

Она присела на стул возле кровати.

— Почему вы всё время разговариваете.

Максим усмехнулся, но спорить не стал. Елена видела это не раз. Люди, которые привыкли самостоятельно решать проблемы, особенно тяжело переносят состояние, когда от них практически ничего не зависит. В обычной жизни Максим мог решить, куда ехать, кому позвонить, что делать и когда это делать. Здесь же его утро начиналось с того, что кто-то измерял ему давление, а день зависел от результатов анализов и расписания обследований. Для человека, который много лет работал пожарным, это должно было ощущаться особенно непривычно.

— Вам тяжело лежать без дела? — спросила она.

— Очень.

— А раньше вы вообще умели ничего не делать?

— Иногда.

— Когда?

Он задумался.

— Когда спал.

Елена рассмеялась.

— Тогда у вас был хороший план.

— Был. Но сейчас он почему-то перестал работать.

На этот раз она не стала шутить.

— Вы привыкнете.

— Не уверен.

— К больнице - не обязательно. А вот к тому, что иногда приходится принимать помощь, привыкнуть всё-таки стоит.

Он посмотрел на неё внимательно.

— Я не очень умею.

— Принимать помощь?

— Да.

— Почему?

Максим пожал плечами.

— Наверное, потому что обычно всё было наоборот.

Она знала, что он имеет в виду, но уточнять пока не стала.

Бывший пожарный.

Сорок лет. Пенсия по выслуге. Головные боли, из-за которых пришлось оставить работу. Человек, который привык приходить туда, где другим нужна помощь, теперь лежал в палате и учился принимать её сам. В этой истории было что-то болезненно понятное.

— Ничего, — сказала Елена, поднимаясь. — Научимся.

— Вы так уверенно это говорите.

— У меня работа такая.

— Или характер?

— И то и другое.

Он улыбнулся.

— Хорошо.

Елена уже собиралась выйти, когда Максим вдруг добавил:

— Только с кашей всё равно надо что-нибудь делать.

Она остановилась в дверях.

— Я подумаю над вашим предложением.

— Вот. Уже чувствую пользу от лечения.

— Не обольщайтесь.

Она вышла в коридор, а за спиной почти сразу снова услышала его голос. Елена покачала головой. Похоже, с ним действительно придётся разговаривать. К полудню больница вошла в привычный дневной ритм. В коридоре стало шумнее, начали приходить родственники, телефоны звонили почти без остановки, а в ординаторской на столе постепенно выросла небольшая гора бумаг, которая ещё утром выглядела вполне победимой. Елена сидела за компьютером и просматривала результаты обследований, когда телефон коротко завибрировал.

Сообщение было от ребёнка.

«Мам, ты сегодня вечером дома?»

Она улыбнулась и написала:

«Если больница меня не усыновит окончательно».

Ответ пришёл через несколько секунд:

«Тогда купи пиццу».

Елена покачала головой.

«А если я устала?»

«Ты всё равно меня любишь».

«Манипулятор».

«Твой».

Она отложила телефон, улыбаясь, и только тогда заметила в дверях Максима.

— Я вам мешаю?

— Вообще-то да.

— Тогда я вовремя.

Елена посмотрела на него с укором.

— Вам что сказали?

— После обследования ждать в палате.

— А вы?

— Ждал.

— И?

— Стало скучно.

Он говорил это так спокойно, что Елена даже не сразу поняла, насколько абсурдно звучит его появление в ординаторской.

— Максим Андреевич, это всё-таки больница, а не гостиница.

— Я знаю.

— Тогда почему вы гуляете по отделению?

— Я не гуляю. Я перемещаюсь.

— Очень существенная разница.

— Для пациента - огромная. Если сказать «гуляю», звучит так, будто я нарушаю режим.

— А вы его нарушаете?

Максим слегка подумал.

— Формально - возможно.

— Вот именно.

Она снова посмотрела на монитор.

— Возвращайтесь в палату.

Он не спешил уходить.

— А что вы там смотрите?

— Результаты.

— Мои?

— В том числе.

— Хорошие?

— Пока ничего критичного я не вижу.

Он заметно расслабился. Елена это заметила и вдруг поняла, что за всей его болтовнёй постоянно прячется одна и та же вещь: ему нужно знать, что происходит. Он задаёт вопросы не из любопытства. Он хочет понимать, что с ним будет дальше.

— Идите отдыхать, — сказала она уже мягче. — Вам сейчас полезнее полежать, чем ходить по коридорам.

— Вы очень убедительно это говорите.

— Потому что я права.

— Наверное.

Он сделал шаг к двери, потом остановился.

— Кстати, вы вечером домой?

Елена удивлённо посмотрела на него.

— Почему вас это интересует?

— Вы вчера говорили, что у вас ребёнок.

— Взрослый ребёнок.

— Это как?

— Это когда человек уже достаточно взрослый, чтобы жить отдельно, но всё ещё достаточно молодой, чтобы считать вашу квартиру круглосуточной столовой.

Максим улыбнулся.

— Понятно.

— А мой график вас зачем заинтересовал?

— Просто разговор поддерживаю.

— Конечно.

— Я вообще очень общительный человек.

— Я уже заметила.

Он вышел. Елена несколько секунд смотрела ему вслед, а потом вернулась к работе. Она сама не заметила, что улыбнулась. После обеда состояние Максима изменилось. Боль вернулась постепенно, без резкого ухудшения, но Елена почувствовала неладное ещё до того, как вошла в палату. Утром он встретил её шуткой, днём успел нарушить режим и заглянуть в ординаторскую, а теперь лежал неподвижно, прикрыв глаза. Для человека, который умудрялся разговаривать даже во время измерения давления, такая тишина была достаточно красноречивой.

Елена подошла к кровати.

— Как голова?

Он открыл глаза.

— Семь.

Она сразу стала серьезнее.

— Когда усилилась?

— Минут двадцать назад.

— Тошнота?

— Пока нет.

— Зрение?

— Нормально.

Она провела осмотр, уточнила характер боли, проверила необходимые показатели и вызвала медсестру. Максим отвечал коротко. Елена заметила это сразу.

— Вот теперь я начинаю волноваться, — сказала она, пытаясь немного разрядить обстановку.

Он слабо улыбнулся.

— Я тоже.

— Это уже честнее.

Лекарство ввели, но облегчение пришло не сразу. Елена могла уйти, оставив дальнейшее наблюдение медсестре, однако почему-то задержалась. Она сама не любила, когда врачи без необходимости превращали пребывание рядом с пациентом в формальность. Иногда человеку действительно требовалось просто знать, что его состояние кому-то важно. Она села рядом.

Максим лежал, закрыв глаза.

— Вы можете идти, — сказал он спустя некоторое время.

— Могу.

— Но не идёте.

— Пока нет.

Он открыл глаза.

— Почему?

Елена посмотрела на него.

— Потому что вам сейчас больно.

— Это не очень оригинальная причина.

— Я сегодня не обещала вам оригинальности.

Он едва заметно усмехнулся и снова закрыл глаза. Некоторое время они молчали. За дверью кто-то негромко разговаривал, по коридору прошла тележка, зазвенели металлические инструменты. Обычная больничная жизнь продолжалась, хотя в палате время словно замедлилось.

— Знаете, — произнёс Максим, не открывая глаз, — я думал, что больница будет совсем другой.

— Какой?

— Не знаю. Наверное, более... серьёзной.

Елена улыбнулась.

— А она недостаточно серьёзная?

— Она очень серьёзная. Просто в ней слишком много обычной жизни.

— Это потому, что люди не перестают быть людьми только потому, что легли в палату.

— Наверное.

Он немного помолчал.

— А я всё время думаю, что должен что-то делать.

— Вы сейчас делаете.

— Что?

— Лежите и выздоравливаете.

Максим открыл глаза и посмотрел на неё.

— Для меня это очень непривычная работа.

— Тогда придётся осваивать новую специальность.

Он улыбнулся.

— Я вообще плохо умею ждать.

— Я заметила.

— И плохо умею, когда кто-то решает за меня.

— Тоже заметила.

— Вы наблюдательная.

— Я врач.

— Иногда мне кажется, что вы меня насквозь видите.

Елена хотела ответить шуткой, но почему-то не стала.

— Это несложно, когда человек так много говорит.

Он тихо рассмеялся, но тут же поморщился.

— Осторожнее, — сказала она. — Смех тоже нагрузка.

— Вот теперь я окончательно понял, что больница - опасное место.

— А вы думали, здесь только лечат?

— Я надеялся.

Елена улыбнулась. Боль постепенно отступала. Она видела это по его лицу, по тому, как расслабились мышцы вокруг глаз. — Сейчас лучше?

— Да. Уже шесть.

— Прекрасная динамика.

— У вас очень странное понимание слова «прекрасная».

— Я врач. Мы радуемся малому.

Он посмотрел на неё и вдруг сказал:

— Спасибо.

Елена слегка кивнула.

— Пожалуйста.

Максим снова закрыл глаза. Елена ещё несколько минут посидела рядом, а потом встала. У двери она обернулась.

— Постарайтесь сегодня поспать.

— Постараюсь.

— И без самостоятельных прогулок.

— Это уже дискриминация.

— Это медицинская рекомендация.

— А если я очень тихо?

— Максим Андреевич.

— Понял.

Она вышла. Вечером Елена снова заглянула к нему во время обхода. Максим уже спал. Она остановилась у двери, некоторое время наблюдая за ним, и почувствовала неожиданное облегчение. В обычной жизни она бы, вероятно, не обратила на него особого внимания. Мужчина сорока лет, бывший пожарный, головные боли, бессонница, сильный характер. Таких пациентов за годы работы были десятки.

Но здесь, в больнице, человек очень быстро становился частью твоего дня. Ты начинал знать, кто просыпается от каждого шума. Кто боится анализов. Кто требует открыть окно. Кто звонит детям. Кто шутит, когда ему страшно. Максим шутил. Очень много и Елена уже начинала понимать почему. Ему было непривычно зависеть от других. Непривычно лежать и ждать. Непривычно быть человеком, которого кто-то спасает. Она поправила лежавшую на краю кровати

простыню и тихо вышла из палаты. В коридоре было уже значительно тише. Ночь постепенно возвращалась в больницу, стирая дневной шум. Елена ещё не знала, что именно ночью ей предстоит узнать о Максиме гораздо больше, чем за все дневные разговоры. И уж тем более она не знала, что именно после полуночи эта больничная история начнёт приобретать странный оттенок, который сначала невозможно будет объяснить ни ей, ни ему.

Глава 3. Там где сильным тоже бывает страшно.

К третьему дню Максим уже начал немного ориентироваться в больнице. Это оказалось неожиданно легко. Утром его будил мягкий рассеянный свет, который пробивался сквозь жалюзи и ложился на белую стену длинными серыми полосами. Затем появлялись привычные звуки: открывалась дверь в коридоре, кто-нибудь негромко здоровался с медсестрой, где-то начинала гудеть тележка с завтраком, а через несколько минут отделение постепенно наполнялось голосами.

Он думал, что больница будет другой. В его представлении она почему-то десятилетиями оставалась почти такой же, какой он видел её в детстве: длинные коридоры с блестящим линолеумом, металлические койки с высокими спинками, тумбочки, которые хотелось мыть даже после того, как их уже помыли, и эти знаменитые стойки для капельниц, напоминавшие то ли тренажёр для наказаний, то ли оборудование из кабинета очень оптимистичного средневекового палача.

Здесь всё выглядело иначе. Крыло после ремонта было настолько новым, что первые часы Максим даже чувствовал себя немного неловко, будто его поместили не в больницу,

а в дорогой медицинский отель, где забыли предупредить, что из номера нельзя выйти без разрешения. Кровать регулировалась кнопками. Рядом стояла аккуратная тумба, над которой располагалась панель с кнопкой вызова, светом и ещё несколькими устройствами, назначение которых Максим предпочитал не выяснять без необходимости. Стойка для капельницы выглядела почти прилично.

— Даже жалко, — сказал он в первый день Виктору Петровичу соседу по палате. — Я ожидал увидеть ту самую советскую конструкцию, которая одним своим видом заставляет человека признаться во всех грехах.

Виктор Петрович тогда рассмеялся и сказал, что если Максим так интересуется старой медицинской техникой, то лежать ему здесь долго. К счастью, прогноз не сбывлся. Палата тоже была вполне нормальной: два окна, светлые стены, отдельный санузел, телевизор, шкафчики, удобные кровати. Всё чистое, спокойное, продуманное. И от этого происходящее казалось даже немного нереальным. Потому что можно было заменить старые койки, спрятать провода в стены, поставить современную мебель, сделать хороший ремонт, но одно в больнице оставалось неизменным. Ты всё равно здесь болеешь, а когда болеешь, тебе приходится доверять совершенно незнакомым людям. Максиму эта мысль нравилась меньше всего.

Утром Виктор Петрович, уже одетый и на удивление бодрый, сидел на своей кровати и изучал меню завтрака.

— Я вам одну вещь скажу, — произнёс он, не отрываясь от листка. — Если человек может выбирать между кашей и омлетом, значит, медицина действительно развивается.

Максим посмотрел на меню.

— А компот?

— Компот вне конкуренции.

— Тогда всё в порядке.

Виктор Петрович поднял глаза.

— Вы скоро станете местным.

— Я надеюсь, что наоборот.

— Не торопитесь. Вы всего третий день здесь.

Максим хотел ответить, но услышал в коридоре шаги - Елена Сергеевна. Наверное, по голосу. Она разговаривала с кем-то из медсестёр, негромко и спокойно, а затем появилась в дверях с планшетом для бумаг в руках. На ней был белый халат, под которым виднелась тёмная водолазка. Волосы -легкое каре небрежнее, чем обычно, несколько прядей выбились. Максим поймал себя на совершенно неуместной мысли: ему нравилось, как она выглядит утром. Без косметической собранности, без попытки производить впечатление, немного уставшая, занятая своими делами. Он быстро отвёл взгляд.

— Доброе утро, — сказала Елена, подходя к кровати. — Как вы сегодня?

— Значительно лучше. Сегодня ночью даже удалось поспать.

— Сколько?

— Почти пять часов.

Она подняла брови.

— Тогда сегодня я официально разрешаю вам считать себя героем.

— Спасибо. Я чувствовал, что заслужил.

Она улыбнулась и начала обычный осмотр. Пальцы на запястье. Давление. Несколько вопросов. Максим отвечал уже привычно, но сегодня почему-то больше замечал не сам осмотр, а её руки. Тонкие пальцы, уверенные движения, привычная точность. Когда Елена поправила манжету тонометра, её рука на мгновение коснулась его предплечья. Обычное профессиональное движение. Ничего особенного и всё же Максим слишком проникся.

Елена этого, кажется, даже не заметила.

— Давление хорошее, — сказала она, записывая показатели. — Как головная боль?

— Три.

— Ночью?

— Четыре, потом отпустило.

— Тошнота?

— Нет.

— Зрение?

— В порядке.

Она подняла на него глаза.

— Тогда сегодня продолжаем наблюдать.

— Вы знаете, что самое страшное в больнице?

— Даже боюсь предположить.

— То, что вы всё время что-нибудь спрашиваете, а мне приходится отвечать правду.

— Очень полезная система.

— А если я вам начну врать?

Елена посмотрела на него с лёгкой улыбкой.

— Тогда я это замечу.

— Это уже звучит угрожающе.

— Я же предупреждала.

Она сделала ещё одну запись и закрыла планшет.

— Не геройствуйте сегодня. Даже если вам покажется, что вы прекрасно себя чувствуете.

— Я вообще человек исключительно благоразумный.

С соседней кровати донёсся фыркающий смешок Виктора Петровича. Елена перевела взгляд на него, потом обратно на Максима.

— Да-да. Конечно.

Она ушла дальше по палатам. Максим посмотрел ей вслед.

— Хорошая женщина, — негромко сказал Виктор Петрович.

— Хороший врач.

— Я опять не об этом.

Максим улыбнулся.

— А разницы нет.

— Вам, может, и нет.

К середине дня Максим успел соскучиться по работе, скорее, по самому ощущению, что ты нужен в конкретный момент. Здесь от него ничего не зависело. Он лежал, ждал обследований, пил таблетки по часам, слушал, как по коридору проходят люди и это раздражало. Вскоре он понял, что раздражение было не на больницу.

Оно было на собственное бессилие. В какой-то момент он уже начал подумывать о том, чтобы встать и пройтись по отделению просто ради ощущения, что он всё ещё может сам решить, куда ему идти. Именно тогда в коридоре стало шумно. Сначала он услышал быстрые шаги. Потом чей-то голос:

— Осторожнее. Голову держите.

Ещё один голос, уже встревоженный:

— Давление падает.

Максим невольно поднялся. В отделение везли нового пациента. На каталке лежал мужчина лет шестидесяти. Лицо серое, глаза закрыты, на груди быстро вздымалась больничная рубашка. Рядом шла медсестра, что-то говоря врачу на ходу. Максим вышел в коридор раньше, чем успел подумать, имеет ли право. Он остановился у стены и увидел Елену. Она шла рядом с каталкой, уже совершенно другая, чем несколько минут назад :спокойная, собранная, сосредоточенная. Голос её звучал твёрдо, но без паники. Она задавала вопросы, коротко уточняла показатели, что-то сказала медсестре и сама первой вошла в палату. Максим не слышал всего.

Он просто смотрел, видел людей в чрезвычайных ситуациях много лет. Знал, как выглядит страх, как выглядит растерянность, как выглядит попытка сделать вид, что всё под контролем. А Елена действительно была человеком, который умел держать ситуацию в руках. Через несколько минут двери палаты закрылись.

Максим ещё стоял в коридоре.

— Идите к себе, — сказала проходившая мимо медсестра.
— Не мешайте.

— Я и не мешаю.

— Вот и хорошо.

Он вернулся в палату. Виктор Петрович посмотрел на него.

— Нагулялись?

— Я кое-что увидел.

— Что?

Максим сел на кровать.

— Елену.

— Мы все её видим. Она у нас регулярно появляется.

— Я не об этом.

Он провёл рукой по затылку.

— Когда человек работает в пожарной охране, он привыкает к тому, что у него есть несколько секунд на решение. Ты заходишь туда, где другому человеку страшно, и должен оставаться спокойным, даже если самому хочется сделать ровно наоборот.

Виктор Петрович молчал.

— А сейчас я посмотрел на неё и понял, что она делает то же самое.

— Только без каски?

Максим усмехнулся.

— Только без каски.

Он снова посмотрел на закрытую дверь.

— Хороший врач, значит.

— Очень хороший.

— А ты думал, что она просто симпатичная?

Максим повернул голову.

— Виктор Петрович, вы слишком прямолинейны.

— Возраст.

— При чём тут возраст?

— С возрастом начинаешь быстрее замечать очевидное.

Максим ничего не ответил, потому что спорить было уже бессмысленно.

Елена ему нравилась и, похоже, он только что перестал делать вид, что речь исключительно о её профессиональных качествах. К вечеру отделение немного стихло. Новый пациент остался под наблюдением, врачи и медсёстры несколько раз заходили к нему, состояние стабилизировалось. Максиму объяснили, что ситуация сложная, но контролируемая. Сам он неожиданно долго не мог избавиться от ощущения, которое появилось после этой сцены.

Страх. Не за себя. За то, что он впервые за много лет уви-

дел ситуацию, в которой совершенно не понимал, что делать и это напугало его гораздо сильнее, чем он хотел признавать.

В семь вечера Виктор Петрович, собираясь ложиться, снова заговорил:

— А всё-таки странно.

— Что?

— Вроде взрослый мужик, а лежишь и нервничаешь из-за чужого пациента.

— Я не нервничаю.

— Конечно.

Максим улыбнулся.

— Просто неприятно было смотреть.

— А вы, значит, не привыкли на такое смотреть?

— На другое. Когда видишь пожар, хотя бы понимаешь, что можешь сделать.

— А здесь?

— Здесь я не знаю.

Виктор Петрович задумчиво кивнул.

— Вот поэтому человеку иногда полезно побыть обычным больным.

Максим усмехнулся.

— Если это ваше предложение провести здесь курс психологического лечения, то я уже передумал.

— Поздно.

Несколько секунд они молчали. Потом Виктор Петрович спросил:

— А вы почему один-то такой?

— В каком смысле?

— В самом простом. Жениться не собирались?

Максим откинулся на подушку.

— Собирался когда-то.

— И?

— Работа.

Ответ прозвучал так просто, будто объяснял всё и, в сущности, объяснял. Он рассказал чуть подробнее, чем вчера: про службу в МЧС, про дежурства, про вызовы среди ночи, про то, как невозможно строить семейную жизнь вокруг графика, в котором любой праздник мог закончиться сиреной.

— Я всегда понимал, чем занимаюсь, — сказал он после паузы. — Если бы рядом со мной была молодая жена, она должна была бы каждый раз ждать, когда я вернусь. И однажды я подумал, что не хочу, чтобы человек жил в постоянном ожидании плохих новостей. Я слишком хорошо видел, как это бывает.

— А ребёнок?

Максим улыбнулся.

— Дочь появилась раньше, когда я был моложе и значительно менее осторожным.

— Общаетесь?

— Конечно. Она моя дочь, а не подписка на журнал, которую можно отменить.

Виктор Петрович засмеялся.

— А сейчас?

Максим посмотрел в окно.

— Сейчас, наверное, уже можно было бы попробовать построить нормальную жизнь.

— Что мешает?

Он не ответил сразу, перед глазами вдруг почему-то снова возникла Елена. Не сегодняшняя, собранная в коридоре, а та, которая ночью стояла возле его кровати. Та, которая спокойно сказала, что они со всем разберутся. Та, чья ладонь на секунду легла ему на грудь. Максим провёл рукой по лицу.

— Не знаю.

Виктор Петрович посмотрел на него, но продолжать расспросы не стал. Ближе к полуночи в палате снова стало тихо. Но Максим не спал, хотя теперь бессонница ощущалась иначе. Голова почти не болела, просто не приходил сон. Он услышал шаги ещё до того, как открылась дверь. Елена вошла, держа в руках небольшой планшет. Свет из коридора лёг на пол длинной полосой.

— Опять не спите?

— Сегодня, кажется, у нас с организмом окончательно разные планы.

Она подошла к кровати и улыбнулась.

— Как боль?

— Два.

— Хорошо.

Елена наклонилась, чтобы проверить показатели, и когда

выпрямилась, оказалась совсем близко. Ближе, чем днём. Он вдруг почувствовал запах её духов - едва заметный, чистый, почти незаметный под запахом больницы. Елена этого словно не замечала. Она поправила подушку у него за спиной и положила ладонь ему на шею, проверяя пульс. Совершенно профессионально.

Максим смотрел на неё.

— Что?

Она поймала его взгляд.

— Вы так на меня смотрите, будто хотите что-то сказать.

— Думаю, вы слишком хорошо видите людей.

— Работа такая.

Она убрала пальцы, на секунду ему захотелось попросить её не торопиться. Он ничего не сказал. Елена поправила край одеяла.

— Постарайтесь всё-таки уснуть.

— А если не получится?

Она задумалась.

— Тогда придётся разговаривать.

— А вы не против?

Она посмотрела на часы, затем на него.

— Пять минут.

— Это звучит как очень серьёзное ограничение.

— Я врач, а не служба психологической поддержки.

— Жаль.

Елена села на стул рядом с кроватью. И Максим впервые

подумал, что, возможно, именно эти несколько минут он теперь будет ждать сильнее, чем утреннего обхода, потому что днём она принадлежала своей работе. А ночью, когда вокруг становилось тихо и больница переставала казаться учреждением, наполненным медицинскими процедурами и правилами, между ними возникало что-то совсем другое. Пока ещё едва заметное, почти невесомое, но уже достаточно настоящее, чтобы его почувствовать.

Глава 4. После полуночи.

Елена устроилась на стуле рядом с кроватью, положив планшет на колени, и на несколько секунд задумалась, действительно ли собирается сейчас разговаривать с пациентом или просто задержалась в палате дольше, чем того требовала её работа.

За окном стояла глубокая ночь. На третьем этаже после полуночи всё выглядело иначе. Днём отделение было наполнено голосами, шагами, звоном посуды, телефонными звонками и бесконечным движением людей, а теперь коридор словно вытянулся и стал значительно шире. Свет горел только через один плафон, его мягкое свечение ложилось на блестящий пол длинными полосами, а за закрытыми дверями то и дело шевелились тени от ночников. Ночное дежурство всегда обладало своей странной логикой. Ты мог провести двадцать минут совершенно спокойно, а затем за несколько секунд обнаружить, что сразу в двух палатах кому-то стало плохо, одному пациенту потребовалась срочная консультация, родственник решил выяснить, почему ему нельзя приехать в три часа ночи, хотя «у него очень важный вопрос», а кому-нибудь обязательно приснится, что он уже умер, и он сочтёт своим долгом немедленно сообщить об этом дежурному врачу. Поэтому ночная тишина никогда не была настоящей. Она лишь скрывала работу.

Елена дежурила примерно один раз в несколько недель, в зависимости от графика. Она не любила ночные смены, но и не относилась к ним как к наказанию. В ночной больнице было что-то почти интимное, особенно после того, как стихал весь внешний мир. Здесь люди становились честнее, разговоры тише, а вещи, казавшиеся днём незначительными, вдруг обретали совсем другой вес.

Максим лежал на спине и смотрел на неё.

— Вы действительно останетесь? — спросил он.

В его голосе не было привычной шутливости, и Елена заметила это сразу.

— На несколько минут, — ответила она. — Но не потому, что мне нечем заняться. Просто сегодня вы не спите, а потом у вас усилилась боль. Мне хочется убедиться, что состояние действительно стабилизировалось.

— Очень медицинская формулировка.

— У меня вообще сегодня всё по медицинским формулировкам.

Он чуть улыбнулся.

— А если я попрошу вас остаться ещё немного, это тоже будет медицинская причина?

— Зависит от того, насколько убедительно вы будете просить.

— Тогда я попробую придумать что-нибудь впечатляющее.

— Не надо. У вас после сегодняшнего приступа слишком

много энергии на человека, который должен отдыхать.

— Это, скорее всего, нервное.

Елена посмотрела на него внимательнее.

— Вот это уже похоже на правду.

Он отвёл взгляд, несколько секунд в палате было тихо. Где-то вдалеке хлопнула дверь, затем послышались шаги, медленно удаляющиеся по коридору. За окном пролетела машина, и на потолке на короткое время мелькнул отблеск фар. Елена вдруг поймала себя на мысли, что ей приятно здесь сидеть. Это было странно. Она много лет работала с пациентами и знала, как быстро человек может стать частью твоего рабочего пространства. Ты запоминаешь, кто любит чай, кто звонил дочери, кто ненавидит гречку, кто каждое утро просит открыть окно, потому что ему жарко. Потом человек выписывается, и его место занимает другой.

Обычно так и должно быть, но Максим почему-то уже немного выбивался из этой привычной последовательности. Возможно, потому, что он был новым. Возможно, потому, что слишком многое не совпадало с его внешностью. Высокий, сильный, он совершенно не походил на человека, который может лежать ночью без сна и ждать, когда подействуют лекарства.

А возможно, потому, что с ним было легко разговаривать.

— Расскажите что-нибудь, — попросил Максим.

— Что именно?

— Что-нибудь такое, что не связано с анализами, голов-

ной болью и моим медицинским будущим.

Елена усмехнулась.

— Вы понимаете, что в больнице это практически невыполнимая задача?

— Тогда расскажите про себя.

— Это уже слишком личный вопрос.

— Почему? Вы про меня уже столько знаете.

— Я знаю только то, что мне необходимо знать для вашей медицинской карты.

— Вы знаете, что я был пожарным, что мне сорок, что у меня дочь, что я не люблю больничную кашу и что я совершенно не умею лежать без дела.

— Последнее я сама вывела.

— Очень точный диагноз.

Елена покачала головой.

— Вы всё-таки не умеете просто молчать.

Максим улыбнулся.

— Я стараюсь.

Она посмотрела на него немного дольше, чем собиралась. И совершенно спокойным голосом сказала:

— Вы знаете, почему вы так много говорите?

— Потому что я приятный собеседник? - улыбка с легкой нервозностью.

— Потому что вам тревожно.

Он ничего не ответил, опустил глаза. Елена не стала давить. Она давно заметила, что некоторые люди отрицают

очевидное исключительно потому, что им нужно немного времени, чтобы назвать его своим именем.

— Мне действительно непривычно, — сказал он спустя некоторое время. — Я ведь никогда не лежал в больнице. Вообще. И я до сих пор не понимаю, как человек должен себя вести, когда вокруг все что-то делают, а ты просто лежишь и ждёшь.

— Никак. В этом и заключается проблема.

— То есть?

— Вы привыкли быть участником событий. Здесь вы становитесь их объектом. Врачи обсуждают ваше состояние, медсёстры решают, когда вам поставить капельницу, лаборатория получает ваши анализы, обследование назначают на определённое время, и от вас требуется только выполнять рекомендации. Для человека, привыкшего самому принимать решения, это действительно может быть тяжело.

Максим задумчиво посмотрел на неё.

— Вы очень точно описали, почему мне здесь не нравится.

— Я знаю.

— Откуда?

— Вы всё время об этом говорите.

Он тихо рассмеялся.

— Вот опять.

— Что?

— Я думал, что говорю слишком много, а оказывается,

просто даю вам материал для наблюдений.

— Так и есть.

Елена сама удивилась, насколько тепло прозвучал её голос. Максим повернул голову к окну.

— На работе всё было проще.

— Даже на пожарах?

— Именно там особенно.

— Почему?

Он немного подумал.

— Потому что там всегда понятно, что нужно делать. Даже если очень страшно, даже если ситуация сложная, у тебя есть задача. Найти человека. Вывести. Передать. Потушить. Вернуться. Ты не можешь остановиться посреди всего этого и начать думать, правильно ли ты живёшь. Елена слушала молча. За годы работы она привыкла к профессиональным рассказам, но Максим говорил иначе. Без желания произвести впечатление и без героизации своей службы.

— А потом вы ушли, — тихо сказала она.

— Потом ушёл.

— И стало непонятно, что делать дальше?

Он улыбнулся, хотя в этой улыбке не было веселья.

— Вы ужасно хорошо читаете людей.

— Это профессиональная деформация.

— А я думал, что вы просто добрый человек.

Елена усмехнулась.

— Не надо портить мне репутацию.

— Почему?

— Потому что я её долго строила.

— Какую?

— Репутацию человека, который говорит пациентам неприятную правду и не обещает чудес.

— А я как раз люблю людей, которые не обещают чудес.

— Почему?

Максим посмотрел на неё.

— Потому что чудеса обычно заканчиваются, а потом всё равно приходится разбираться с последствиями.

Елена на секунду задумалась.

— Очень взрослый ответ.

— Сорок лет всё-таки.

— Иногда по вам этого не скажешь.

— А по вам?

Она улыбнулась.

— По мне можно сказать, что я устала.

— Я бы сказал, что вы слишком серьёзная.

— Я работаю в больнице ночью.

— Сейчас да. Но днём вы тоже такая.

— Какая?

— Будто всё время знаете, что будет дальше.

Елена чуть повела плечом.

— Иначе здесь нельзя.

— Значит, вы никогда не теряетесь?

Она тихо засмеялась.

— Конечно, теряюсь. Просто стараюсь не делать это при пациентах.

Максим улыбнулся.

— Вот это уже больше похоже на правду.

Разговор постепенно перешёл на совсем обычные вещи. Оказалось, что Елена не любит раннюю осень, когда уже холодно, но ещё недостаточно холодно для настоящего пальто. Она любит длинные прогулки, хотя из-за работы редко позволяет себе гулять без цели. Дома у неё постоянно лежат книги, которые она собиралась прочесть «в ближайшие выходные», хотя прекрасно знает, что эти выходные никогда не наступают в первоначальном виде. Максим признался, что умеет готовить только несколько блюд и всякий раз считает это высоким достижением.

— Какие?

— Омлет, мясо на сковороде и макароны.

— Впечатляет.

— Я вижу иронию.

— Никакой иронии. Три блюда - уже полноценный стратегический запас.

— Именно так я и думаю.

Он рассказывал про дочь, которая в детстве мечтала стать ветеринаром, потом решила заниматься совершенно другим, а сейчас сама не до конца понимала, чем хочет заниматься. Рассказывая о ней, Максим менялся. В нём становилось меньше привычной иронии. Появлялась мягкость. Елена за-

метила это и подумала, что человек, который говорит о ребёнке таким тоном, вряд ли способен быть совсем безразличным к собственной семье, даже если семейная жизнь у него когда-то не сложилась.

— Вы видите часто? — спросила она.

— Как получается. Она уже взрослая, у неё своя жизнь.

— Вам это тяжело?

— Иногда. Но я понимаю, что именно так всё и должно быть.

Елена кивнула, понимающе. Наверное, именно поэтому их разговор вдруг стал проще. Два человека, которые в какой-то момент жизни обнаружили, что дети вырастают, браки заканчиваются, работа меняется, а привычная конструкция жизни постепенно перестаёт быть единственной возможной.

— А вы сами давно одна? — спросил Максим.

Елена посмотрела на него. Вот теперь вопрос действительно был личным. Она могла не отвечать. Могла перевести разговор в шутку и всё же почему-то ответила.

— Несколько лет.

— И вас это устраивает?

— В основном.

— «В основном» — опасная формулировка.

— Как и «пока».

Он улыбнулся.

— Справедливо.

Елена немного откинулась на спинку стула.

— После развода я какое-то время думала, что мне просто нужно привыкнуть. Потом поняла, что уже привыкла. У меня есть работа, ребёнок, друзья, свой дом, свои планы. Жизнь не стала хуже только потому, что рядом нет мужчины.

— Но лучше?

Она посмотрела на него.

— Иногда лучше, иногда хуже. Просто иначе.

Максим кивнул, он не стал спрашивать о бывшем муже и Елена была ему за это благодарна. Она не любила длинные истории о прошлом, в которых бывших супругов принято распределять между ролями злодея и жертвы. В её жизни всё было гораздо прозаичнее. Они просто перестали быть семьёй раньше, чем официально стали бывшими супругами. Иногда этого достаточно.

За дверью послышались быстрые шаги. Елена мгновенно поднялась. Секунды спустя в коридоре появилась медсестра.

— Елена Сергеевна, в шестой палате температура поднялась до тридцати девяти с половиной.

— Хорошо. Сейчас подойду.

Она уже двигалась к двери, когда Максим неожиданно спросил:

— Вы потом вернётесь?

Елена остановилась.

— Посмотрим.

— Ясно.

Он улыбнулся.

— Значит, скорее всего, вернётесь.

— Почему?

— Вы так говорите, когда собираетесь.

Она посмотрела на него несколько секунд, затем покачала головой.

— Отдыхайте.

— Буду ждать.

И снова эта улыбка. Елена вышла.

Она вернулась почти через сорок минут. Максим всё ещё не спал.

— Я думал, вы уже не придёте, — сказал он.

— А я думала, что вы наконец уснули.

— Почти.

Она подошла к его кровати и посмотрела на показатели.

— Как голова?

— Два.

— А тревога?

Он усмехнулся.

— Вы это тоже измеряете?

— Иногда важнее давления.

Максим посмотрел на неё.

— Тогда три.

— Почему не два?

— Потому что вы пришли, и я теперь боюсь снова уснуть.

Елена замерла. Фраза была сказана спокойно, почти буд-

нично, но на этот раз в ней оказалось что-то другое. Она почувствовала это мгновенно. Максим тоже понял, что сказал больше, чем собирался, и слегка улыбнулся.

— Извините.

— За что?

— За двусмысленность.

— Я не услышала ничего двусмысленного.

— Тогда хорошо.

Она наклонилась над ним, проверяя пульс. Её пальцы коснулись его запястья. Он замолчал. Елена заметила это. На лице Максима появилась совершенно непривычная сосредоточенность, словно он внезапно забыл все свои обычные шутки. Она почувствовала под пальцами ровный, чуть ускоренный пульс. Елена подняла глаза - Он смотрел на неё. Несколько секунд они не произносили ни слова.

Она первой отвела взгляд.

— Пульс немного учащён, — сказала она, стараясь, чтобы голос звучал совершенно обычно.

— Наверное, разговоры.

— Конечно.

Она убрала руку. Но ещё несколько секунд чувствовала тепло его кожи на кончиках пальцев. И это ей совершенно не понравилось. Вернее, понравилось слишком сильно, Елена выпрямилась.

— Вам нужно спать.

— Знаю.

— Тогда закрывайте глаза.

— А вы?

— А я пойду работать.

— Жалко.

Она посмотрела на него.

— Почему?

Максим слегка улыбнулся.

— Потому что с вами здесь как-то спокойнее.

На этот раз Елена не ответила сразу. Она просто посмотрела на него, затем поправила край одеяла, хотя тот и без этого лежал идеально.

— Спокойной ночи, Максим Андреевич.

— Спокойной ночи, Елена Сергеевна.

Она вышла из палаты и только когда закрылась дверь, позволила себе ненадолго остановиться в пустом коридоре. Елена посмотрела на собственную ладонь. Как будто всё ещё могла почувствовать под ней тепло его кожи. Она тихо вздохнула и пошла дальше. Ночная больница снова поглотила её. До утра оставалось ещё несколько часов. И впервые за долгое время Елена поймала себя на мысли, что дежурство, которого она обычно ждала с раздражением, заканчивать ей почему-то совершенно не хотелось.

Глава 5. 14 дней.

Утро в больнице всегда наступало незаметно. Сначала за окнами становилось чуть светлее, потом в коридорах прибавлялся мягкий сероватый свет, и только спустя какое-то время Елена замечала, что ночь закончилась. Она уже давно знала этот переход наизусть: ещё недавно больница принадлежала тишине, а теперь где-то открывалось первое окно, звенела посуда, медсестры начинали передавать друг другу дежурства, в палатах просыпались пациенты.

После ночной смены особенно странно было видеть, как мир вокруг тебя начинает новый день, когда твой собственный организм требовал только одного - лечь и закрыть глаза. Елена сидела в ординаторской, дописывая последние рекомендации. Перед ней стояли несколько историй болезни, планшет с результатами анализов и почти остывшая чашка кофе, которую она машинально взяла ещё час назад и с тех пор так и не выпила. Пальцы немного устали от ночной работы. В голове уже начинала появляться та приятная пустота, которая приходила после бессонной смены, когда мысли становились медленнее, а простое действие вроде застегнуть халат вдруг требовало почти осознанного решения. Она просмотрела очередную историю болезни, поставила подпись и отложила её в сторону. До конца смены оставалась совсем

немного. Елена посмотрела на список пациентов. Глаз задержался на фамилии Максима. Она открыла его историю ещё раз.

Результаты последних исследований не давали ничего, что позволило бы окончательно объяснить характер его болей. Прямой угрозы пока не было, состояние удавалось контролировать, но причина оставалась неясной, а значит, слишком рано было говорить о выписке. Она несколько секунд смотрела на экран, затем внесла назначение.

Продолжить наблюдение в условиях стационара. Срок пребывания до четырнадцати дней, по показаниям.

Елена остановилась. Четырнадцать дней. Формально это было совершенно обычное медицинское решение. Иногда для диагностики и стабилизации состояния требовалось время. Никакая врачебная совесть не позволила бы отправить человека домой только потому, что ему уже надоело лежать в палате. Она сохранила запись. Затем выписала направление на томографию головы. Ещё раз перечитала. Поставила подпись и только после этого почувствовала, насколько сильно устала. Елена сняла очки, закрыла глаза и на несколько секунд откинулась на спинку стула. В голове мелькнула совершенно бытовая мысль о том, что дома её ждут душ, тишина и кровать, а холодильник, скорее всего, снова будет демонстрировать унылую пустоту человека, который слишком много работает и слишком мало планирует своё питание.

Она взяла истории и поднялась. Нужно было сообщить Максиму о том, что домой он пока не поедет. Максим проснулся около восьми и сначала даже не понял, почему сегодня чувствует себя несколько иначе. Голова болела совсем немного. Сон тоже был лучше, чем прежде. Наверное, поэтому он впервые за несколько дней проснулся не с ощущением, что всю ночь провёл в бесплодной борьбе со своим организмом, а с почти нормальным ощущением начала дня. Он сел, прислушался к себе и на всякий случай немного подождал. Ничего. Только лёгкая тяжесть в висках.

— Уже прогресс, — пробормотал он.

Виктор Петрович, ещё не до конца проснувшийся, посмотрел на него.

— С кем опять разговариваете?

— С собой.

— Тяжёлый случай.

Максим улыбнулся и взял телефон. На экране было несколько сообщений. Одно - от дочери.

«Пап, как ты?»

Максим некоторое время смотрел на сообщение, а потом написал:

«Лучше. Но, похоже, домой меня пока не отпустят».

Ответ пришёл быстро.

«А сколько ещё?»

Он усмехнулся.

«Не знаю».

И именно в этот момент в палате появилась Елена. У неё был тот вид, который Максим уже успел научиться узнавать: аккуратные волосы, спокойное лицо, планшет в руках и лёгкая усталость, которую невозможно было скрыть даже хорошим освещением. Она явно только что закончила смену.

Он посмотрел на неё внимательнее.

— Вы ещё здесь?

— Ещё здесь, — ответила Елена, подходя к кровати. — Но уже ненадолго.

Максим сразу заметил это «уже ненадолго» и неожиданно почувствовал некоторое сожаление. Хотя сам себе объяснить его не смог.

— Ночная смена закончилась?

— Почти. Я ещё должна оформить несколько рекомендаций, а потом поеду домой.

— И вы после ночи ещё работаете?

Елена устало усмехнулась.

— Это называется врачебной романтикой.

— Если честно, звучит как способ лишить человека сна окончательно.

— У вас как раз есть хороший шанс проверить теорию на практике.

Она открыла планшет.

— Как состояние?

— Лучше. Сегодня ночью удалось поспать.

— Сколько?

— Часа четыре с половиной. Для меня это почти достижение.

— Уже неплохо.

Она посмотрела результаты, затем снова на него.

— Максим Андреевич, я вас сейчас немного расстрою.

Он отложил телефон.

— Звучит многообещающе.

— Пока вас не выписываем.

Несколько секунд он просто смотрел на неё.

— В смысле совсем?

— В прямом. Нам нужно продолжить наблюдение.

— На сколько?

Елена немного помедлила.

— Пока ориентируемся примерно на две недели. До четырнадцати дней, если будет необходимость.

Его лицо изменилось, совсем немного.

— Две недели?

— Максимум по текущему плану. Если раньше получим всю необходимую информацию и состояние стабилизируется, конечно, никто держать вас просто ради красивой цифры не станет.

Он откинулся на подушку. Четырнадцать дней вдруг прозвучали совсем иначе, чем «ещё несколько дней». Первые дни он воспринимал больницу как временную остановку. Неприятную. Неудобную. Но всё же короткую. Теперь же оказалось, что его жизнь действительно поставлена на паузу.

Работа и так закончилась. Теперь даже домой он не может просто взять и вернуться.

— Понятно, — сказал он.

И только после этого усмехнулся:

— Значит, я успею узнать, что подают на завтрак в каждый день недели.

— Это, конечно, очень важная медицинская информация.

— Я человек последовательный.

Она улыбнулась, но в её взгляде было что-то внимательное.

— Я понимаю, что вам тяжело.

— Я не сказал, что тяжело.

— Вы ничего не сказали. Поэтому и говорю я.

Максим посмотрел на неё.

— Наверное, вы правы.

Елена открыла направление.

— Вам назначена томография головы. Исследование нужно, чтобы уточнить причину болей. Пока мы понимаем, как их контролировать, но не получили достаточно информации, чтобы уверенно сказать, откуда они возникают.

— То есть вы пока тоже не знаете, что со мной.

— Пока нет, но узнаем.

Она сказала это совершенно спокойно и именно спокойствие неожиданно помогло. Не попытка успокоить пустыми словами. Не «всё будет хорошо». А честное: пока не знаем. Разберёмся. Максим кивнул.

— Когда обследование?

— Сегодня.

— Хорошо.

Он несколько секунд молчал.

— А если там всё нормально?

— Тогда будем продолжать искать причину.

— А если не нормально?

Елена посмотрела ему прямо в глаза.

— Тогда будем знать, что именно лечить.

Это был ответ человека, который не любит обещать того, чего не знает. И Максим вдруг понял, что именно за это ей доверяет. Когда Елена вышла из палаты, Максим ещё некоторое время сидел неподвижно. Потом взял телефон. На экране всё ещё оставалось сообщение дочери. Он написал:

«Меня оставляют примерно на две недели».

В этот раз она ответила не сразу.

Через несколько минут пришло:

«Это много»

Он написал:

«Значит, у тебя будет время приехать».

Ответ появился почти мгновенно:

«Это что, теперь способ выманить меня в больницу?»

Максим рассмеялся.

«Похоже, ты меня раскусила».

Он отложил телефон.

Виктор Петрович наблюдал за ним с соседней кровати.

— Дочь?

— Да.

— Что говорит?

— Что ей придётся приехать ко мне.

— Вот видите. Уже есть польза от четырнадцати дней.

Максим улыбнулся.

— Пока вижу только одну.

— Женщины обычно быстро находят пользу там, где мужчины видят катастрофу.

— Вы сейчас опять о докторе?

Виктор Петрович ничего не ответил, только усмехнулся. Максим покачал головой. Елена тем временем дошла до ординаторской, закрыла последнюю историю болезни и поняла, что действительно может наконец уйти. Она сняла халат, сложила документы, проверила телефон. На экране было несколько пропущенных уведомлений, сообщение от ребёнка и напоминание о том, что дома закончились хлеб и молоко.

Обычная жизнь. Она улыбнулась. Елена уже собиралась выйти, когда одна из медсестёр окликнула её:

— Елена Сергеевна, а к третьему ещё вечером зайти?

— Да. Посмотрите, как будет чувствовать себя после обследования. Если боль усилится - сразу сообщите.

— Хорошо.

Она на секунду задумалась.

— И, пожалуйста, если снова будет плохо спать, не оставляйте его без внимания. У него уже несколько ночей подряд нарушен сон.

Медсестра кивнула. Елена взяла сумку и вышла из ординаторской.

До обеда Максим успел пройти несколько процедур. Топографию назначили на вторую половину дня, поэтому утро тянулось особенно медленно. Он то пытался читать новости, то включал телевизор, то просто лежал и смотрел в окно. За стеклом город жил своей обычной жизнью. Машины двигались по дороге. Кто-то торопился на работу. На автобусной остановке люди смотрели на часы. Никто из них не знал, что человек за окном сегодня узнал: следующие две недели его жизнь будет происходить в пределах нескольких больничных стен.

Максим поймал себя на странном ощущении -ему не хотелось домой так сильно, как он ожидал. Вернее, домой хотелось, но впервые за последние несколько дней он поймал себя на мысли, что его не так сильно пугает оставаться здесь. Наверное, потому, что здесь была Елена. Мысль возникла сама собой.

Он тут же попытался её отогнать. Она - врач, его лечащий врач. Женщина, которая просто хорошо выполняла свою работу. И всё же, когда Максим закрыл глаза, он вспомнил её ладонь на своей груди той первой ночью. Казалось бы, ничего особенного, простой профессиональный жест. Но память

почему-то сохранила именно его.

Он открыл глаза. В этот момент в палату вошла медсестра.

— На обследование через сорок минут. Собирайтесь.

— Хорошо.

Она уже собиралась выйти, но Максим вдруг спросил:

— А доктор Елена Сергеевна сегодня ещё будет?

Медсестра посмотрела на него с лёгким выражением понимания, которое он предпочёл не замечать.

— Нет. Ночная смена у неё закончилась.

— Понятно.

Дверь закрылась. Максим остался один. Он не знал, почему почувствовал лёгкое разочарование и почему после этого ему снова стало немного тяжелее заснуть. Вечером, когда обследование уже закончилось, а боль после него немного усилилась от усталости, Максим наконец задремал. Сон оказался неглубоким. Станным. Он снова оказался в каком-то коридоре. Длинном, светлом, почти пустом. Где-то впереди открылась дверь. На пороге стояла женщина. Он не видел её лица, только силуэт. Белая форма. Светлая фигура в дверном проёме.

Она смотрела на него. Максим хотел спросить, кто она, но не смог произнести ни слова. Женщина сделала шаг к нему и тогда он проснулся. В палате было темно. Серый ночник освещал край тумбы. Максим несколько секунд лежал неподвижно, пытаясь понять, где находится. Сон постепенно рассеивался, но странное ощущение не исчезало. Он снова ви-

дел эту женщину. Такие сны ему уже снились. Несколько раз, в разные периоды. Всегда одинаково. Он знал, что она женщина, но никогда не мог вспомнить лицо. После пробуждения оставалось только чувство, будто она хотела что-то сказать. Максим провёл рукой по лицу.

— Опять...

Он сел, потом посмотрел на дверь и вдруг понял, что в этот раз всё было иначе. Во сне женщина была не одна. Она была той, кого он уже видел, только не здесь. Не в этом сне ,а в реальности.

Елена Сергеевна. Максим нахмурился. Он посмотрел на часы. Почти два ночи и где-то в глубине коридора слышались тихие шаги.

Глава 6. Медсестра.

Шаги приближались медленно, почти бесшумно, и Максим невольно повернул голову к двери. В коридоре было тихо. За матовым стеклом дежурного поста едва заметно двигался свет, где-то дальше коротко звякнула посуда, а затем снова наступила тишина.

Шаги остановились у его палаты. Максим некоторое время смотрел на дверь, ожидая, что она откроется. Она открылась. В дверном проёме стояла женщина.

Он сразу понял, кто это. Та самая. Та, которую видел во сне. Та, чьего лица никогда не мог вспомнить после пробуждения, хотя почему-то был совершенно уверен, что узнает её, если когда-нибудь увидит снова. Теперь он видел её. Женщина была одета в старомодную белую медицинскую форму. Не такую, какую носили современные медсёстры в их отделении: без яркого бейджа, без привычного брючного костюма, без цветной полоски на воротнике. Белая рубашка с высоким воротом, поверх неё длинный халат, волосы убраны под светлую косынку. Всё в ней казалось каким-то странно знакомым, словно образ пришёл из фотографии, которую Максим когда-то видел и давно забыл.

Она не вошла сразу. Просто стояла в дверях и смотрела на него. Максим приподнялся на локте.— Вы кто? Женщина ничего не ответила. Он нахмурился. Собственный голос

прозвучал хрипло и непривычно тихо. Женщина всё так же смотрела на него. Максим уже хотел нажать кнопку вызова медсестры, но почему-то остановился. В её взгляде не было ничего угрожающего, скорее наоборот. Она смотрела на него так, словно пришла проверить, всё ли с ним в порядке. Женщина сделала шаг в палату. Максим почувствовал странное головокружение. Свет ночника вдруг стал слишком ярким, а очертания комнаты - чуть менее чёткими. Он моргнул. Женщина оказалась уже возле его кровати.

Он хотел снова спросить, кто она, но слова почему-то не складывались. В голове появилась нелепая мысль: наверное, это новая медсестра, только он её раньше не видел. Возможно, её перевели из другого отделения. Она наклонилась к нему.

И тогда Максим услышал:

— Вам нельзя вставать.

Голос был тихим, почти шёпотом. Он хотел усмехнуться.

— Я и не собирался.

Женщина выпрямилась. На секунду Максим увидел её лицо и в ту же секунду она исчезло. Комната снова стала обычной. Ночник. Тумбочка. Стена. Закрытая дверь. Максим сидел на кровати, тяжело дыша, и смотрел перед собой. Он несколько секунд не двигался. Потом провёл ладонью по лицу.

— Вот это уже интересно...

Он посмотрел на часы. 1:57. Максим нажал кнопку вызо-

ва. Через несколько минут дверь открылась, и появилась дежурная медсестра Ольга.

— Что случилось?

— Кто-то заходил?

Ольга удивлённо посмотрела на него.

— К вам?

— Да.

— Я была на посту.

— Женщина. В белой форме.

Ольга замерла на секунду, потом взглянула на него внимательнее.

— Я никого к вам не направляла.

— Может, из другого отделения?

— Ночью?

Она посмотрела на часы.

— В два часа?

Максим пожал плечами.

— Почему бы и нет.

Ольга подошла к двери и выглянула в коридор. Там никого не было.

— Может, вам что-нибудь приснилось?

— Возможно.

Он произнёс это спокойно, без раздражения, хотя сам пока не понимал, что произошло. Ольга вернулась в палату.

— Голова сильно болит?

— Сейчас терпимо.

— Таблетку дать?

Максим хотел отказаться, но вдруг почувствовал знакомое давление в висках.

— Давайте.

Ольга принесла лекарство, поставила стакан воды на тумбочку и ещё раз посмотрела на него.

— Попробуйте поспать.

— Хорошая идея.

— И кнопку рядом оставьте.

— Ольга, я уже понял. Самостоятельно по коридорам ночью гулять мне запрещено.

— Именно.

Она вышла. Максим ещё некоторое время смотрел на дверь. Он пытался убедить себя, что всё это было сном. После нескольких ночей почти нормального сна, сильной головной боли, лекарств и усталости мозг вполне мог сыграть с ним подобную шутку. Но одна деталь никак не укладывалась в эту версию. Он видел эту женщину раньше. Много раз, ещё до больницы. До этих головных болей, странных приступов, до того, как вообще оказался здесь.

Максим лёг и закрыл глаза. Через несколько минут ему показалось, что в коридоре снова кто-то прошёл. Он открыл глаза. Никого.

— Отлично, — тихо сказал он самому себе. — Четырнадцать дней обещают быть насыщенными.

На этот раз он всё-таки уснул.

Тем временем Елена пришла утром, больница уже жила своим обычным дневным ритмом. В коридоре было светлее, чем ночью, шумнее и как будто теснее. С улицы тянуло прохладой, в соседнем корпусе кто-то разгружал коробки, а на посту уже кипела обычная дневная жизнь: телефон, истории болезни, вопросы пациентов, звонки родственников. Елена поздоровалась с медсестрой, положила сумку в ординаторской и первым делом спросила:

— Как ночь?

— Спокойно, — ответила Ольга. — Правда, третий у нас в два часа немного удивил.

Елена посмотрела на неё.

— Максим?

— Он.

— Что случилось?

Ольга на секунду замялась.

— Сказал, что к нему приходила какая-то женщина.

Елена медленно сняла пальто.

— Какая женщина?

— Медсестра, как он говорит. Только никого такого у нас ночью не было.

Елена поставила сумку на стул.

— И что именно он рассказал?

— Что была в старой форме. Стояла у двери, потом подошла к кровати. Ещё сказала ему, что вставать нельзя.

Елена несколько секунд молчала.

— Это он вам сам рассказал?

— Да. Причём вполне спокойно. Я сначала подумала, что ему приснилось, но он уверяет, что был проснувшийся.

Елена кивнула.

— Ясно. Спасибо. Я с ним поговорю.

Она взяла планшет и направилась к третьей палате. По дороге успела вспомнить их разговор после полуночи, его бессонницу, головную боль, а ещё то, как он несколько раз говорил, что раньше таких состояний у него не было. И теперь к этому добавилось ещё одно. Нужно было понять, действительно ли он что-то видел.

И главное - когда именно это произошло. Максим сидел на кровати и читал сообщение от дочери, когда в палату вошла Елена.

Он сразу улыбнулся.

— Доброе утро.

Она заметила это.

Не самую улыбку, а то, как быстро она появилась у него на лице.

Ей пришлось сделать вид, что этого не заметила.

— Доброе. Как вы сегодня?

— Головная боль почти прошла. Если честно, я даже выспался.

— Хорошо.

Она остановилась рядом с кроватью, просмотрела его показатели, затем внимательно посмотрела на него.

— Ольга сказала, что ночью вы видели какую-то женщину.

Максим помолчал.

— Уже рассказала?

— Это её работа.

— Понятно.

Он отложил телефон.

— Я действительно её видел.

— Давайте тогда спокойно разберёмся, что именно произошло.

Елена села на стул. Максим задумался, словно пытаясь подобрать слова.

— Я проснулся ночью. Точнее, мне кажется, что проснулся. Послышались шаги. Потом дверь открылась, и в палате появилась женщина. Я решил, что это медсестра, потому что она была в медицинской форме.

— В современной?

— Нет. Именно это показалось странным.

Елена слушала, не перебивая.

— Какая форма?

— Белая. Длинная. Под ней что-то вроде рубашки с высоким воротом. На голове косынка. Никакого бейджа, никаких брюк. Она выглядела так, будто пришла из старой фотографии.

— Вы уверены, что это была именно женщина?

Максим посмотрел на неё с некоторой обидой.

— Да. Я умею отличать мужчину от женщины.

— Это не то, что я имела в виду.

Она улыбнулась, и напряжение немного спало.

— Я спрашиваю потому, что в состоянии сильной усталости и между сном и бодрствованием человек может воспринимать образы очень реалистично. Иногда настолько, что потом трудно поверить, будто это был сон.

— Но я её не просто видел.

— Что ещё было?

Максим слегка нахмурился.

— Она подошла ко мне.

— И?

— Сказала, что мне нельзя вставать.

Елена записала что-то в планшете.

— А потом?

— Потом исчезла.

— Что значит «исчезла»?

— Я моргнул, и её уже не было.

Он говорил спокойно, без попытки убедить её в сверхъестественном. Это Елене понравилось. Он не требовал поверить ему, хотя сам не знал, что думать.

Она закрыла планшет.

— Максим Андреевич, вы перед этим долго не спали?

— До этого?

— Да.

— Дня три нормально не спал. Вчера стало лучше.

— Ночью головная боль усиливалась?

— Немного.

— Насколько?

— Наверное, на четыре.

Елена кивнула.

— А когда женщина появилась, вы уже принимали лекарство?

Максим задумался.

— Да. Ольга дала мне таблетку уже после.

— Значит, до этого ничего?

— Нет.

Елена некоторое время смотрела на него.

— Вы понимали, где находитесь?

— Конечно.

— Могли говорить? — Да. — Могли двигаться? — Да.

— А лицо женщины вы видели чётко?

Максим замолчал.

Это был первый вопрос, на который он не смог ответить сразу.

— Вначале - нет. Потом на секунду.

— И вы смогли его запомнить?

Он покачал головой.

— Вот это и странно. Я вижу её уже не первый раз во сне. Но лицо никогда не остаётся в памяти. А этой ночью я вроде бы увидел. Только сейчас уже не могу вспомнить. Елена почувствовала, как внутри неприятно шевельнулось профес-

сиональное любопытство.

— Вам когда-нибудь раньше казалось, что вы видите людей, которых на самом деле нет?

Максим сразу посмотрел на неё.

— Нет.

— Никогда?

— Нет.

Она кивнула.

— Хорошо. Пока просто наблюдаем.

— Вы думаете, я сошёл с ума?

— Нет.

Ответ прозвучал настолько спокойно, что Максим даже усмехнулся.

— Хорошо, а то я уже начал переживать.

— А зря. У меня здесь очередь из людей, которые считают себя совершенно здоровыми при температуре тридцать девять. На фоне этого вы вполне адекватный.

Он засмеялся и тут же осторожно поморщился.

— Вот, — сказала Елена. — Смеяться пока тоже дозировано.

— А разговоры?

— Разговоры допустимы.

— Тогда у меня прекрасные перспективы.

Она посмотрела на него и улыбнулась.

— Это я уже поняла.

Елена поднялась, на секунду её взгляд задержался на его

лице.

— Если сегодня ночью снова что-нибудь увидите, обязательно скажите медсестре.

— Даже если это опять будет она?

— В частности если опять она.

— А вам рассказывать?

Она едва заметно задумалась.

— Да. Мне тоже.

Максим посмотрел на неё внимательнее.

— Почему?

— Потому что мне важно понять закономерность.

Он улыбнулся.

— Я так и думал.

— О чём?

— Что у вас на всё есть медицинская причина.

Елена хотела ответить, но передумала.

— Постарайтесь сегодня хорошо отдохнуть.

— Постараюсь.

Она уже взялась за дверную ручку, когда услышала:

— Елена Сергеевна?

— Да?

— А вы мне верите?

Она обернулась. В его голосе не было ни шутки, ни привычной лёгкости. Елена несколько секунд смотрела на него.

— Я верю, что вы действительно это видели.

Максим кивнул. Ей показалось, что именно это ему сей-

час и требовалось. Она вышла в коридор и только там позволила себе задуматься над тем, что он сказал. Видел и это, конечно, ещё совершенно ничего не означало. Недосып, боль, состояние между сном и бодрствованием действительно могли давать очень реалистичные зрительные образы. Вопрос был в другом. Почему именно женщина? Почему именно медсестра? И почему Максим утверждает, что видел её задолго до болезни? Елена остановилась у окна в конце коридора. За стеклом был обычный дневной город - машины, люди, холодное осеннее солнце.

Всё вокруг выглядело слишком привычно и рационально. Елена не любила необъяснимые вещи, особенно те, которые начинались в её отделении. Поэтому первой её мыслью было найти объяснение.

Второй - внимательно наблюдать. А третью она пока позволила себе не формулировать. Потому что почему-то чувствовала: эта женщина появилась в жизни Максима не случайно.

Глава 7. То,чего он боялся больше всего.

Ночью больница снова стала другой. После полуночи дневная суета уходила почти незаметно, словно кто-то постепенно прикручивал громкость огромного, никогда не выключающегося механизма. На посту оставался приглушённый свет, за дверями палат стихали голоса, а редкие шаги в коридоре звучали особенно отчётливо. В такие часы даже собственное дыхание казалось слишком громким, а привычные звуки - шелест страницы, движение колёсиков медицинской тележки, короткий звон стекла - приобретали странную выразительность.

Максим лежал с открытыми глазами и пытался понять, который уже час. Сон снова не приходил. Он уже успел привыкнуть к этому мучительному состоянию, когда тело устало до предела, мышцы требуют покоя, а голова словно продолжает работать отдельно от всего остального. Стоило ему закрыть глаза, как мысли начинали двигаться быстрее, всплывали какие-то совершенно ненужные воспоминания, обрывки разговоров, лица людей, которых он не видел годами. Потом появлялось ощущение давления в висках, не сильного.

Пока ещё терпимого, но знакомого. Максим перевернулся на бок, пытаясь найти удобное положение. Именно тогда он

почувствовал, как по телу проходит резкая судорожная волна. Мышцы живота и груди мгновенно напряглись, пальцы свело, плечо дёрнулось. Он попытался расслабиться, но вместо этого напряжение только усилилось. Дышать стало сложнее. Максим хотел нажать кнопку вызова, однако рука слушалась плохо.

В дверь вошла медсестра Ольга, так как услышала шум. Он увидел её скорее краем глаза, потому что свет из коридора бил слишком ярко.

— Максим Андреевич, вы меня слышите?

Он попытался ответить, но голос оказался слишком слабым. Ольга подошла ближе, помогла ему повернуться удобнее и осторожно удержала руку, следя за тем, чтобы он не ударился.

— Не напрягайтесь. Дышите спокойно.

Он попытался сделать то, что она говорила. Не получилось. Тело продолжало сводить неприятной дрожью. Тогда Ольга положила ладонь ему на плечо и медленно провела по нему, успокаивая, как человека, которому нужно вернуть чувство контроля над собственным телом. Прикосновение было совершенно обычным. Профессиональным. Но Максим в эти минуты воспринимал всё иначе. Он чувствовал тепло её руки слишком остро, будто кожа стала в несколько раз чувствительнее. От плеча вниз растекалось странное ощущение покоя, и на секунду ему показалось, что эта ладонь не просто удерживает его, а словно прогоняет боль.

Движение повторилось, медленно, от плеча к груди. Неуверенно, но мягко. Максим закрыл глаза. На короткое мгновение ему стало легче. Он уже почти перестал различать, где заканчивается настоящая палата и начинается то странное состояние между сном, болью и пробуждением, в котором недавно видел женщину из своих снов.

Ему показалось, что рядом снова она. Та же белая форма, тот же силуэт. Только теперь женщина была ближе. Она сидела возле него и гладила его по груди, медленно, успокаивающе, будто знала, что ему нужно именно это.

Максим открыл глаза. Перед ним действительно стояла женщина. Он не мог понять, Ольга это или та самая медсестра. Лицо расплывалось. Ему казалось, что он видит белый воротник старой формы, тонкую линию шеи, светлую косынку. Она смотрела на него спокойно, почти нежно. Максим попытался поднять руку.

— Вы...

Женщина не ответила. Только снова провела ладонью по его груди и от этого движения внутри стало одновременно спокойно и тревожно. Слишком близко, слишком хорошо. Он вдруг понял, что именно в этой близости его пугает. Он не привык позволять кому-либо касаться себя так, когда он беспомощен. Он привык сам поддерживать других, сам удерживать, сам вести, сам решать, что делать дальше, а теперь лежал неподвижно и ждал, когда чужая рука поможет ему справиться с собственным телом.

В дверь в этот момент вошла Елена. Она вернулась с другого поста, где закончила разговор с родственниками пациента. Уже подходя к палате, она заметила свет и открывшуюся дверь. Увиденное заставило её остановиться. Максим лежал с закрытыми глазами, а Ольга сидела рядом и удерживала его руку. На его лице было выражение сильного напряжения.

— Что произошло?

Ольга обернулась.

— Спазм. Резко свело мышцы, я стараюсь его успокоить. Сейчас вроде отпускает.

Елена подошла к кровати.

— Максим Андреевич, вы меня слышите?

Он открыл глаза. Посмотрел сначала на Ольгу, потом на Елену. Несколько секунд на его лице было непонимание. Словно он не мог сопоставить то, что только что видел, с тем, что сейчас находилось перед ним.

— Вы...

Голос оказался хриплым.

— Я здесь, — сказала Елена.

Она коснулась его предплечья и этого простого прикосновения оказалось достаточно, чтобы Максим окончательно вернулся в реальность. Он посмотрел на Ольгу. Потом снова на Елену.

— Здесь ещё кто-то был.

Ольга нахмурилась.

— Кроме меня?

— Женщина.

Елена увидела, как меняется его лицо.

— Что вы видели?

Максим закрыл глаза и медленно выдохнул.

— Её.

Ольга переглянулась с Еленой. Он несколько секунд молчал.

— Белая форма. Старая. Она стояла возле кровати. Потом... коснулась меня.

Он посмотрел на неё.

— Здесь.

И указал на грудь. Елена почувствовала, как внутри мгновенно включился профессиональный анализ. Спазм. Боль. Бессонница. Переходное состояние. Нечёткое восприятие. Очень реалистичный образ. Она уже сталкивалась с подобными состояниями у пациентов, хотя столь убедительная фигура появлялась далеко не у каждого.

— Максим, — сказала она спокойно, — сейчас попробуйте сосредоточиться только на том, что происходит в палате. Посмотрите на меня. Что вы видите?

Он смотрел на неё.

— Вас.

— Хорошо. А теперь скажите, что слышите.

Он прислушался.

— Вас. И Ольгу.

— Ещё что-нибудь?

— Коридор.

— Отлично.

Елена слегка сжала его предплечье.

— Вы здесь. В больнице. Спазм прошёл. Вы меня слышите и понимаете, где находитесь.

Он кивнул. Несколько секунд просто смотрел на неё. Потом тихо сказал:

— Я правда её видел.

— Я вам верю.

Он нахмурился.

— Даже сейчас?

— Особенно сейчас.

Елена поднялась, попросила Ольгу проверить показатели и осталась рядом, пока дыхание Максима не выровнялось окончательно. Только спустя несколько минут, когда всё успокоилось, Ольга вышла. В палате остались они вдвоём. За окном шёл мелкий дождь. На стекле отражался мягкий свет ночника, и от этого казалось, будто за окном не город, а другой, совершенно безлюдный мир.

Максим смотрел в потолок.

— Это уже второй раз.

— Второй раз именно ночью?

— Да.

Елена поправила ему подушку.

— И оба раза после боли?

Он задумался.

— Похоже.

— А эта женщина появляется только тогда?

— До больницы она приходила во сне.

— Какая именно женщина?

— Та самая.

Елена посмотрела на него.

— Расскажите о ней ещё раз.

Он повернул голову.

— Зачем?

— Мне нужно понять, что именно повторяется.

Максим долго молчал.

— Она никогда ничего не делает. Просто появляется.

Иногда стоит в дверях. Иногда сидит рядом. Лица я не помню. Но сегодня... сегодня всё было иначе.

— Что изменилось?

— Она прикоснулась ко мне.

Елена почувствовала, как он произнёс это слово чуть медленнее, чем остальные.

— А что вы почувствовали?

Максим усмехнулся без всякого веселья.

— В этом и проблема.

— Какая?

— Что мне было хорошо.

Елена ничего не ответила. Он провёл ладонью по лицу.

— Звучит ненормально, да?

— Нет.

— Она просто... гладила меня, и мне стало легче. Слишком легко. И я почему-то не хотел, чтобы она уходила.

Елена опустила взгляд на его руку. Она уже начинала понимать, как мозг может собирать воедино ощущения. Настоящее прикосновение Ольги. Боль. Почти сон. Память о повторяющемся образе и эмоциональная потребность в ощущении безопасности. Сознание могло легко соединить всё это в одну картину. Но она пока не стала говорить ему свою версию. Слишком рано.

— Вы в тот момент понимали, где находитесь?

— Частично.

— А сейчас?

— Сейчас понимаю.

— Хорошо.

Она снова посмотрела на него.

— Максим, я думаю, нам нужно внимательнее следить за тем, как связаны ваши боли, сон и эти эпизоды. И мне очень важно, чтобы вы каждый раз сообщали о них, даже если вам кажется, что это просто странный сон.

— Хорошо.

Он помолчал. Потом вдруг спросил:

— Елена Сергеевна?

— Да?

— Почему вы всё время говорите так, будто точно знаете, что со мной всё будет нормально?

Она улыбнулась.

— Потому что мне иногда приходится в это верить за двоих.

Максим некоторое время смотрел на неё. Затем отвернулся к окну.

— Раньше я так делал.

— Что именно?

— Верил за других.

Елена снова села рядом. На этот раз чуть ближе, Максим заметил, но ничего не сказал. Какое-то время они просто сидели в полумраке. Потом он тихо произнёс:

— После того как я ушёл с работы, я сначала думал, что просто отдохну. Потом пойму, чем заниматься дальше. Но оказалось, что отдыхать мне вообще некуда.

Елена не перебивала. Максим говорил медленно, без привычной утренней лёгкости.

— На работе всё было понятно. Просыпаешься - знаешь, зачем. Тебе звонят - ты нужен. Люди ждут, что ты приедешь и что-то сделаешь. Иногда ты возвращаешься домой ночью, иногда утром, иногда вообще не помнишь, когда последний раз нормально спал, но при этом понимаешь, что день прожит не зря.

Он ненадолго замолчал.

— А потом всё закончилось.

Елена смотрела на него внимательно.

— И что оказалось самым тяжёлым?

Максим усмехнулся.

— Тишина.

— Тишина?

— Да. Раньше у меня не было времени её замечать. А потом я вдруг обнаружил, что она повсюду. Телефон молчит. Никто не звонит. Никому ничего от тебя не нужно. Ты просыпаешься утром и некоторое время лежишь, потому что не понимаешь, зачем вставать.

Елена тихо вздохнула. В его голосе не было жалости к себе и от этого признание звучало ещё тяжелее.

— Я никогда не думал, что мне будет трудно жить обычной жизнью, — продолжил Максим. — Я всегда считал себя человеком, который справится с чем угодно. А потом выяснилось, что я вообще не умею жить, когда от меня ничего не требуется.

Елена несколько секунд молчала. Потом сказала:

— Значит, придётся учиться.

Он посмотрел на неё.

— Чему?

— Жизни, в которой вам не нужно каждый день кого-то спасать.

Максим улыбнулся.

— Думаете, получится?

Елена чуть наклонилась к нему.

— Я думаю, что получится.

Он смотрел на неё долго.

Потом тихо произнёс:

— Я всю жизнь знал, зачем просыпаться утром.

Елена почувствовала, как эти слова задержались между ними. Она не стала утешать его. Не сказала ничего привычного вроде «всё ещё впереди».

Просто посмотрела ему в глаза и ответила:

— А теперь придётся придумать заново.

Максим улыбнулся. Очень медленно. Впервые за всё время в этой улыбке не было ни иронии, ни попытки скрыть тревогу. Только облегчение от того, что кто-то наконец сказал ему правду, которую он сам боялся сформулировать. За окном снова прошёл дождь. В коридоре кто-то тихо закрыл дверь. Елена ещё некоторое время сидела рядом. И только когда Максим наконец закрыл глаза, она позволила себе откинуться на спинку стула. Он действительно был необычным пациентом. А самое неприятное заключалось в том, что ей всё труднее было воспринимать его только как пациента. Потому что чем больше он рассказывал, тем яснее становилось: за сильным телом, привычкой шутить и уверенностью человека, который всю жизнь приходил первым, скрывался мужчина, который понятия не имел, что делать, когда спасать больше некого.

Глава 8. Выходные

В субботу больница проснулась позже. По крайней мере, так показалось Максиму. В будние дни отделение начинало жить ещё до того, как он успевал окончательно открыть глаза: за дверью двигались люди, звучали голоса, звенела посуда (как и всегда), появлялись тележки, а затем начинался привычный круг обходов, измерений, вопросов и назначений. В выходной утро пришло почти бесшумно. За окном было светло, но коридор оставался удивительно спокойным. Никто не торопился. Даже медсёстры двигались как будто немного медленнее, хотя Максим прекрасно понимал, что это всего лишь впечатление. Просто в отсутствие врачебного обхода исчезло то постоянное ощущение, будто каждые несколько минут должно что-то произойти. Он лежал и смотрел в окно. На стекле за ночь остались мелкие капли дождя, и от утреннего света они казались серебристыми. Где-то внизу проехала машина, потом показалась женщина с собакой, затем на несколько секунд улица вновь опустела.

Максим посмотрел на часы. Девять двадцать. Странное дело: впервые за всё время он проснулся достаточно поздно и при этом не почувствовал привычного раздражения от того, что пропустил половину утра. Он даже успел выспаться. Почти шесть часов. Для последних недель это было роско-

шью. Голова тоже практически не болела. Максим осторожно сел на кровати, подождал несколько секунд, затем встал.

Ничего: ни головокружения, ни резкой боли.

Он сделал несколько шагов по палате и поймал себя на том, что чувствует почти забытое ощущение - своё собственное тело снова ему подчиняется.

— Так уже лучше, — негромко сказал он.

Виктор Петрович, который ещё оставался в палате, открыл глаза.

— Я смотрю, вы сегодня разговариваете с собой раньше обычного.

— Я проверяю, работает ли голос. Шутка.

— И как?

— Пока удовлетворительно.

Виктор Петрович усмехнулся.

— Выходные пришли. От вас сегодня можно ждать только самостоятельных решений и нарушения режима.

— А врачи не работают?

— Работают, просто плановые обходы и процедуры обычно не проводят. Есть дежурный врач, а если кому-нибудь действительно понадобится помощь, конечно, никого не бросят.

Максим кивну, он знал это. И всё же слово «выходные» неожиданно отозвалось внутри странным чувством. Он сразу понял почему. Сегодня не будет Елены. Мысль возникла совершенно буднично. Настолько буднично, что Максим да-

же не попытался её отогнать. Он привык к её голосу. К тому, как она входит в палату с планшетом, сначала смотрит на него, а уже потом начинает задавать вопросы. Привык к её привычке поправлять подушку, если она лежит неудобно, и к тому, как она всегда говорит о лечении спокойно, даже когда сама устала. И только теперь, когда впереди оказался целый день без неё, он вдруг обнаружил, насколько сильно успел привыкнуть.

Максим перевернул телефон в руках. На экране появилось сообщение.

«Пап, я приеду после обеда. Не спи».

Он усмехнулся.

«Я уже взрослый, могу сам решить, спать мне или нет».

Ответ пришёл почти сразу.

«После сорока — особенно».

Максим покачал головой.

— Дочь?

Виктор Петрович уже снова закрыл глаза.

— Да.

— Хорошая?

— Лучшая.

Максим улыбнулся.

— Обычно она приходит поговорить о чём-нибудь своём.

— А вы слушаете?

— Приходится.

— Значит, хорошая дочь.

Максим ничего не ответил, он посмотрел на экран и улыбнулся уже совсем иначе. К двум часам дня больница изменилась ещё сильнее. На выходных родственников было больше, чем в будни, но все словно старались говорить тише. Кто-то приносил домашнюю еду, кто-то фрукты, кто-то подушки и пледы, а кто-то целые пакеты вещей, будто собирался переселить своего близкого в больничную палату на неопределённый срок. В третью палату вошла девушка с большой сумкой через плечо. Она была похожа на Максима, но не настолько, чтобы сходство бросалось в глаза сразу. Те же карие глаза, похожая линия подбородка, такая же привычка слегка прищуриваться, когда внимательно слушаешь человека.

Она остановилась у двери.

— Ну что, герой?

Максим поднял глаза.

— Опять началось.

— А я ещё даже не вошла нормально.

Она поставила сумку на стул, подошла к кровати и обняла отца. От неё пахло холодным воздухом, улицей. Максим на секунду прикрыл глаза. Он очень давно не был человеком, которого встречают объятиями просто потому, что рады видеть.

— Ты похудел, — сказала дочь, отстраняясь и рассматривая его.

— За три дня?

— Сколько надо, чтобы ты наконец начал прислушиваться к людям?

— Не знаю.

— Видимо, за всю жизнь.

Максим рассмеялся и тут же поморщился.

— Голова?

— Уже почти нет.

— Тогда почему морщишься?

— Ты слишком быстро задаёшь вопросы.

— В кого я такая?

— Вот этого я не знаю.

Она уселась рядом и посмотрела на него.

— Серьёзно, как ты?

Максим немного помолчал.

— Лучше.

— Правда?

— Правда.

Она кивнула, но взгляд её оставался внимательным.

— Ты ведь раньше никогда не лежал в больнице.

— Не лежал.

— И как ощущения?

Максим оглядел палату.

— Странно.

— Плохо?

— Нет. Просто странно.

— Ты уже успел всем там рассказать, что ты пожарный?

Он усмехнулся. Виктор Петрович тоже.

— Я не представляюсь пожарным. Само почему-то выясняется.

— Конечно.

Она заметила его улыбку.

— Что?

— Ничего. Пап.

Максим вздохнул.

— Я просто подумал, что за эти несколько дней привык к одному человеку.

— К кому?

Он посмотрел на неё. На долю секунды ему захотелось ответить честно, но он почему-то передумал.

— К врачу.

Дочь медленно улыбнулась.

— К врачу?

— Да.

— К красивой?

Максим посмотрел на неё с укором.

— Ты зачем приехала?

— Проверить состояние здоровья. Теперь вижу, что диагноз интереснее, чем мне рассказывали.

— Никакого диагноза пока нет.

— Тогда почему ты улыбаешься?

Он отвёл взгляд.

— Просто врач хорошая.

Дочь помолчала.

— Папа.

— Что?

— Ты когда-нибудь в жизни говорил о женщине «просто хорошая» с таким лицом?

Максим засмеялся.

— Давай лучше свои бутерброды.

Она открыла принесённый пакет.

— Я тебе привезла нормальную еду.

— Вот за это я тебя действительно люблю.

— А за врача не любишь?

— Не начинай.

— Я ещё даже не начинала.

Максим покачал головой. Дочь улыбалась, но больше не поддевала. Через несколько минут разговор ушёл в обычное русло: работа, знакомые, квартира, какие-то семейные мелочи, которые не имеют никакой важности для окружающих, но вдруг оказываются очень нужными людям, давно не видевшим друг друга. Максим слушал её и ловил себя на мысли, что за последние месяцы впервые чувствует себя почти нормально.

И это ощущение было неожиданно хорошим. Когда дочь уже собиралась уходить, она задержалась у двери.

— Ты правда будешь здесь две недели?

— Пока так.

— Тогда я ещё приеду.

— Приезжай.

Она кивнула, потом вдруг спросила:

— А доктор завтра работает?

Максим посмотрел на неё.

— Завтра воскресенье.

— Я знаю.

— Тогда зачем спрашиваешь?

Она улыбнулась с совершенно невинным видом.

— Просто интересуюсь графиком медицинского персонала.

— Вот поэтому я и не рассказывал тебе ничего.

— Ты пока вообще ничего не рассказал.

Она вышла, не дожидаясь ответа. Максим остался один. Несколько секунд смотрел на дверь. Потом улыбнулся. В воскресенье медсестра ему действительно не снилась. И не потому, что он не хотел её видеть. Наоборот. Всю ночь сон был тяжёлым, но обычным. Несколько раз он просыпался, слушал больничную тишину и снова засыпал. Никаких коридоров. Никаких старых форм. Никаких женщин, которые появлялись из ниоткуда. Утром Максим даже поймал себя на разочаровании. Это было глупо. После всего, что произошло, ему следовало радоваться отсутствию странных видений.

И он действительно радовался. Просто теперь, похоже, ему хотелось увидеть совсем другую женщину. Настоящую. Утром ему принесли завтрак. Он посмотрел на кашу. Потом

на чай. Потом снова на кашу. — Ну что, — сказал он соседу по палате, — ради этого точно стоило выжить.

Виктор Петрович улыбнулся.

— Вы всё-таки скучаете по докторше.

Максим даже не стал спорить.

— Немного.

— Вот теперь всё ясно.

— Что именно?

— Ничего.

Максим посмотрел в окно. Елена появится только в понедельник. Почему-то это казалось очень долгим сроком.

В этот же день Елена проснулась ближе к полудню. После двух ночей, проведённых в больнице и короткого сна после смены, организм наконец потребовал вернуть ему хотя бы часть долга. Она долго лежала, не желая вставать. За окном шёл дождь.

Телефон лежал на тумбочке. В какой-то момент Елена потянулась к нему и открыла рабочий чат. В отделении всё было спокойно. Ничего срочного. Ни одного сообщения о её пациентах. Елена несколько секунд листала сообщения, потом остановилась. Фамилия Максима появилась в одном из ночных отчётов.

«Состояние стабильное. Ночью спал. Жалоб не высказывал».

Она перечитала строчку дважды и только потом поняла, что улыбается. Елена отложила телефон.

— Господи, — пробормотала она. — Вот ещё.

Она встала с кровати и отправилась ставить чайник. В понедельник будет обычный рабочий день. Она снова войдёт в третью палату. Спросит, как голова. Посмотрит результаты. Проверит назначения и всё вернётся в привычный порядок.

По крайней мере, именно так она решила. Она ещё не знала, что для неё самой это «возвращение к порядку» окажется уже не таким простым. Потому что за эти два выходных она впервые поймёт одну неприятную вещь. Ей не хватает пациента.

А это было значительно сложнее объяснить самой себе, чем любой медицинский симптом.

Глава 9. По ту сторону сна.

В понедельник Елена вернулась в отделение с ощущением, будто прошло гораздо больше двух дней. Выходные всегда немного смещали привычный ритм, а после двух ночей дежурства и последующего сна дома ей казалось, что больница осталась где-то в прошлой неделе. Однако стоило только открыть дверь ординаторской, услышать знакомый голос на посту и увидеть стопку историй болезни на столе, как всё вернулось на свои места. Она снова надела халат, попыталась не сутулиться, поставила на стол сумку и первым делом открыла результаты обследований Максима.

Томография серьёзной патологии не выявила. Это было хорошо, но недостаточно.

Причина головных болей по-прежнему оставалась неясной. Сами боли стали слабее, приступы случались реже, сон немного восстановился, однако странные эпизоды с нарушением восприятия не исчезли. Елена перечитала запись дежурной медсестры, сделанную за воскресную ночь.

«Ночью спал беспокойно. Один эпизод пробуждения. На вопросы отвечал адекватно. Жалоб не высказывал».

Она задержала взгляд на последней строчке. Ни слова о женщине. Значит, больше ничего не было. По крайней мере, этой ночью. Елена закрыла историю болезни и пошла в

палату.

Максим сидел у окна. Он был одет в футболку, босые ноги свисали с кровати, в руках лежал телефон. Внешне он выглядел почти нормально, и, если не знать, сколько дней он провёл здесь, можно было решить, что это обычный мужчина, которого случайно задержали в чужом месте дольше, чем он планировал.

Увидев Елену, он сразу улыбнулся. И у неё внутри что-то привычно смягчилось.

— Доброе утро, — сказала она, подходя ближе. — Как вам наши выходные?

— Вы не поверите, но я пережил их.

— Поздравляю.

— Правда, в субботу мне пришлось самостоятельно выбирать между кашей и омлетом, а в воскресенье я вообще оказался предоставлен самому себе. Было тяжело.

Елена улыбнулась.

— Дочь приезжала?

— Да. Провела ревизию моего внешнего вида, питания и жизненных перспектив.

— И что сказала?

— Что я выгляжу лучше. А потом очень подробно поинтересовалась, как поживает мой лечащий врач.

Елена сделала вид, что занята планшетом, но бровью слегка повела.

— Дети иногда слишком любопытные.

— Особенно когда уже взрослые.

— Это вообще отдельная категория.

Она подошла ближе и посмотрела на него.

— А если серьёзно, как самочувствие?

— Лучше. Головная боль слабая. Ночью спал.

— Видения?

Он на секунду замолчал.

— Нет.

Елена заметила, что он ответил слишком быстро.

— Это хорошо.

Максим кивнул. Но потом добавил:

— Хотя я теперь жду подвоха.

— Почему?

— Потому что если она не приходила, это ещё ничего не значит.

Елена спокойно посмотрела на него.

— Пока будем наблюдать.

— Вот именно это меня и беспокоит.

Он поставил телефон на тумбочку.

— Елена Сергеевна, можно с вами поговорить?

— Конечно.

Она отодвинула стул и села рядом. Максим несколько секунд молчал, подбирая слова.

— Вы ведь понимаете, что я не сумасшедший?

Вопрос прозвучал настолько неожиданно, что Елена сначала просто посмотрела на него.

— Я такого и не говорила.

— Я знаю.

— Тогда почему спрашиваете?

Он провёл рукой по лицу.

— Потому что вы теперь всё время спрашиваете про эту женщину. Когда появилась. Что я чувствовал. Сколько спал. Принимал ли таблетки. Помнил ли лицо. Я понимаю, что вы врач и это всё вам нужно. Просто... я не хочу, чтобы вы решили, что у меня что-то не так с головой в том смысле, который все сразу себе представляют.

Елена немного помолчала. В его голосе впервые за всё время появилась настоящая тревога. Не та, которую он маскировал шутками. Это был страх потерять контроль над тем, кем его будут считать.

— Что именно вы сейчас представляете? — спросила она.

— Что меня отправят куда-нибудь, где люди разговаривают со стенами.

Она едва заметно улыбнулась.

— Очень кинематографическое представление.

— А вы смеётесь.

— Я улыбаюсь, потому что вы успели за несколько секунд довести ситуацию до крайности.

— А если я серьёзно?

Елена перестала улыбаться.

— Тогда серьёзно и отвечу. Нет, я не собираюсь ставить вам диагноз на основании одного симптома. И уж тем более

я не собираюсь отправлять вас куда-либо только потому, что вам однажды показалась женщина в палате.

Максим заметно выдохнул, но облегчение продлилось недолго.

— А если она появится снова?

— Тогда мы будем смотреть, при каких обстоятельствах это происходит.

— А если станет чаще?

— Тогда будем искать причину внимательнее.

— В голове?

— Не только в голове.

Елена говорила спокойно, но тщательно подбирала формулировки. Она знала, как легко испугать человека одним неосторожным словом. Особенно человека, который привык контролировать ситуацию и сейчас не понимает, что происходит с ним самим.

— Причин, по которым человек может видеть или чувствовать то, чего в действительности нет перед глазами, достаточно много, — сказала она. — И далеко не все связаны с психиатрией. Нарушение сна, сильная боль, некоторые лекарства, неврологические состояния, переходные состояния между сном и бодрствованием - всё это может влиять на восприятие. Поэтому мы не будем придумывать диагноз раньше времени.

Максим слушал внимательно.

— То есть вы будете искать?

— Конечно.

Он посмотрел на неё.

— В шее тоже?

Елена слегка удивилась.

— В шее?

— Ну, вы же можете посмотреть там. Может, спазмы отсюда.

Он коснулся задней поверхности шеи.

— Я уже начинаю предлагать вам варианты, доктор.

— Заметно.

— Просто я хочу понять, что со мной происходит.

— Я тоже.

Эти слова действовали на него сильнее всех предыдущих.

Он кивнул.

— Хорошо.

Елена поднялась.

— Сегодня ещё раз поговорю с неврологом. Посмотрим, нужно ли расширять обследование. И пока попробуем стабилизировать сон. Хороший сон сейчас для вас ничуть не менее важен, чем обследования.

— Я постараюсь.

— Только без самодеятельности.

— Я уже понял.

Она посмотрела на него с лёгкой улыбкой.

— Вот и прекрасно.

Когда она вышла, Максим ещё некоторое время смотрел ей вслед. Слова о том, что она будет искать причину, неожиданно успокоили его. Не обещание. Не утешение. Просто ощущение, что он пока не один на один с этим странным состоянием.

День прошёл спокойно. Елена действительно поговорила с неврологом. Решили продолжить наблюдение, скорректировать лечение и внимательнее следить за эпизодами, особенно если они будут появляться после приступов боли или на фоне бессонницы. Это решение её устраивало.

Пока.

Но к вечеру она обнаружила, что снова мысленно возвращается к рассказу Максима. В старой белой форме была какая-то деталь, которая её беспокоила. Слишком конкретный образ. Не просто «я увидел женщину». Длинный халат. Высокий ворот. Косынка. И самое странное - фраза.

«Вам нельзя вставать».

Практически медицинская команда. Елена поймала себя на мысли, что за весь день ни разу не спросила себя, почему именно такую фигуру создаёт сознание Максима. Она решила разобраться позже. Работа закончилась поздно. Домой она собиралась около одиннадцати, но перед выходом решила ещё раз пройти по отделению.

И именно тогда услышала звонок. Кнопка вызова пациента. Елена посмотрела на экран поста. Третья палата. Она сама не поняла, почему сердце слегка ускорилося.

— Я зайду, — сказала она медсестре.

Максим проснулся от ощущения, что в комнате стало слишком светло. Он лежал на спине и не сразу понял, где находится. Потом увидел знакомую тумбочку. Край шкафа. Слабое свечение ночника. Больница. Он выдохнул. Всё нормально. Он снова попытался закрыть глаза. И тогда услышал шаги.

Очень тихие. Медленные. Они приближались по коридору. Максим замер. Внутри мгновенно поднялось то самое неприятное напряжение, которое он уже научился узнавать. Шаги остановились у двери. Ручка медленно опустилась. Дверь открылась. В дверном проёме стояла женщина. Та самая. Старая белая форма. Светлая косынка. Лицо сначала почти скрыто тенью. Максим почувствовал, как холодеют пальцы.

— Вы...

Женщина смотрела на него. Он хотел спросить, кто она. Хотел нажать кнопку. Но вместо этого просто смотрел. Она вошла. Сделала несколько шагов. В этот момент Максим почувствовал знакомое головокружение, будто пространство вокруг него стало немного мягче, потеряло чёткие границы. Движения женщины казались одновременно очень медленными и слишком быстрыми. Она приблизилась к кровати. Максим попытался подняться. Женщина протянула руку. Он увидел тонкие пальцы. И услышал её голос:

— Вам нельзя вставать.

У него перехватило дыхание. На этот раз он точно знал, что слышит. Но прежде чем успел что-то ответить, дверь открылась. В палату вошла Елена.

— Максим Андреевич?

Женщина исчезла. Просто исчезла. Её не стало. Максим резко повернул голову. Елена стояла в дверях одна.

— Что случилось?

Он посмотрел на неё. Она была настоящей. Белый халат. Короткие волосы. Усталый взгляд. И именно от этого контраста он окончательно испугался. Елена быстро подошла к кровати.

— Посмотрите на меня.

Он смотрел.

— Где вы сейчас?

— В больнице.

— Хорошо. Какой этаж?

— Третий.

— Кто я?

Максим сглотнул.

— Елена Сергеевна.

Она осторожно коснулась его руки.

— Вот и хорошо. Дышите спокойно.

Её пальцы были тёплыми. Максим сжал их прежде, чем успел подумать. Слишком сильно. Елена остановилась. Он сам это понял и попытался разжать ладонь, но почему-то не смог сразу. Несколько секунд они просто смотрели друг на

друга. Максим всё ещё находился в том странном состоянии, когда реальность уже вернулась, но страх не успел отступить.

— Я думал, она опять здесь, — сказал он тихо.

Елена не стала выдёргивать руку.

— Я знаю.

— Она стояла возле кровати.

— Расскажите.

— Я слышал шаги. Она вошла. Потом подошла ко мне и сказала, что мне нельзя вставать.

Елена смотрела на него очень внимательно.

— Вы перед этим спали?

— Наверное. Я не знаю. Я вроде проснулся, но...

Он замолчал.

— Но?

— Всё было почти настоящим.

Елена слегка сжала его пальцы, которые всё ещё удерживали её руку.

— Я понимаю.

Он наконец отпустил. Между ними осталось странное ощущение неловкости. Елена убрала руку не сразу. Максим тоже не сразу отвёл взгляд.

— Извините, — сказал он.

— За что?

— Я вас схватил.

— Вы испугались.

— Всё равно.

— Ничего страшного.

Она поправила край его одеяла, словно это простое действие могло вернуть привычный порядок вещей. Но порядок уже немного изменился. Максим смотрел на её руки. Елена заметила это, впервые за всё время сама почувствовала то, от чего старалась отвлечься профессиональными мыслями.

Ему нравилось её присутствие. Ей - его. Это становилось слишком очевидным.

Она поднялась.

— Попробуйте сегодня уснуть.

— А если она снова придёт?

Елена посмотрела на него.

— Тогда вы мне завтра всё подробно расскажете.

— Обещаете?

Она чуть улыбнулась.

— Я же сказала, что будем искать причину.

Он кивнул. Елена уже подошла к двери, когда Максим позвал её:

— Елена Сергеевна.

Она обернулась.

— Что?

Он немного помолчал.

— Когда вы вошли, мне стало легче.

На этот раз она не стала прикрывать смысл медицинской формулировкой. Просто улыбнулась.

— Значит, буду чаще заходить.

Максим улыбнулся в ответ. Она вышла, а в пустом коридоре остановилась на несколько секунд, глядя куда-то перед собой. На ладони всё ещё ощущалось тепло его пальцев. Елена медленно сжала руку.

И впервые подумала, что проблема могла заключаться уже не только в том, что происходит с Максимом. Потому что с ней происходило что-то тоже. И это, пожалуй, было гораздо сложнее лечить.

Глава 10. За пределами палаты.

На следующий день Елена долго смотрела на запись в истории болезни Максима. Она перечитала её ещё раз, потом вернулась к предыдущим наблюдениям, сопоставляя даты, время приступов, качество сна и то, что сам пациент описывал как появление женщины. В медицинской практике редко встречались вещи, которые можно было бы объяснить одной-единственной причиной, а особенно ей не нравились случаи, в которых симптомы будто нарочно появлялись на границе нескольких состояний.

Головная боль. Спазмы. Нарушение сна. Странное ощущение присутствия кого-то рядом и ещё эти шаги. Елена не могла избавиться от мысли, что здесь есть связь, хотя пока не понимала какая.

Она открыла очередную запись дежурной медсестры. Ночью у Максима снова был эпизод пробуждения. Боль усилилась. Пульс некоторое время оставался выше обычного, затем постепенно пришёл в норму. Ничего критического. Но Елена задержала взгляд на цифрах.

Пульс. Шаги. Чувство приближения.

Возможно, это было просто совпадение. В больнице люди слишком много слышат, слишком мало спят и слишком сильно прислушиваются к собственному телу. И всё же Максим говорил о шагах так, словно они действительно прибли-

жались к нему по коридору. Елена закрыла историю. Она пока не знала, что происходит. И это ей не нравилось. Не потому, что случай казался опасным, а потому, что она не любила чувствовать себя бессильной перед симптомом.

К полудню в отделении было особенно оживлённо. Свет из окон ложился на пол широкими прямоугольниками, за дверями палат разговаривали родственники, кто-то смеялся, кто-то возмущался больничным меню, а кто-то уже в третий раз за утро спрашивал, когда можно будет домой.

Виктор Петрович собирался именно домой. Он сидел на краю кровати, застёгивая рубашку, и выглядел так, будто попал сюда исключительно по недоразумению, а теперь наконец собирался возвращаться к нормальной жизни. На тумбочке стояла собранная сумка. Максим наблюдал за ним с некоторой завистью.

— Вы так радуетесь, будто вас выпустили из тюрьмы, — заметил он.

— Потому что я домой еду, а не на соседнюю койку.

— Несправедливо.

— Жизнь вообще устроена несправедливо.

Виктор Петрович спрятал документы в папку и посмотрел на него.

— Вам тоже недолго осталось.

Максим усмехнулся.

— Мне врач сказала до четырнадцати дней.

— Значит, успеете соскучиться.

— По вам?

— По мне вы и через день начнёте скучать.

Максим рассмеялся. Разговор их теперь давно приобрёл ту особую простоту, которая возникает у людей, случайно оказавшихся рядом в непривычных обстоятельствах. Они не были друзьями в обычном смысле слова, но за несколько дней узнали друг о друге больше, чем некоторые знакомые узнают за годы.

Виктор Петрович посмотрел на него внимательно.

— Вы только одно обещайте.

— Что?

— Не засиживайтесь здесь после выписки.

Максим фыркнул.

— Вы опять о докторе?

— Я вообще ничего не говорил.

— Именно это и настораживает.

Виктор Петрович улыбнулся.

— Вы слишком много думаете.

— Я начинаю понимать, почему вы столько молчите.

— Потому что кто-то должен.

Они оба засмеялись. Через несколько минут Виктор Петрович действительно ушёл. Его сумка исчезла вместе с ним, на кровати осталась сложенная простыня, а в палате вдруг стало значительно тише. Максим неожиданно почувствовал эту перемену почти физически. Пустая соседняя кровать выглядела странно. До этого человек рядом создавал ощущение

ние какой-то обычной жизни. Можно было перекинуться парой фраз, пожаловаться на еду, поспорить о телевизоре, услышать чужое дыхание ночью. Теперь место было пустым и Максим снова остался один.

Только сегодня одиночество почему-то не казалось таким тяжёлым. Он уже знал, что Елена придёт. Елена появилась ближе к двум. Она вошла в палату с планшетом и сразу заметила, что соседняя кровать пуста.

— Виктор Петрович уехал?

— Да, — ответил Максим. — Теперь палата официально моя.

— Не привыкайте.

Она подошла к нему и начала просматривать показатели.

— Как вы себя чувствуете?

— Значительно лучше.

— Голова?

— Почти не болит.

— Сон?

Максим слегка улыбнулся.

— Здесь всё стабильно хуже.

Елена подняла на него глаза.

— А если серьёзно?

— Ночью просыпался несколько раз. Но без сильной боли.

Она кивнула.

— Хорошо. Сегодня я хочу кое-что предложить.

Он сразу насторожился.

— Судя по тону, предложение медицинское.

— Почти.

Она закрыла планшет.

— Если до конца дня состояние останется стабильным, можно будет немного прогуляться.

Максим посмотрел на неё.

— На улицу?

— На улицу.

Он несколько секунд молчал, словно ему только что сообщили новость о внезапной амнистии.

— Вы серьёзно?

Елена улыбнулась.

— Совершенно. Ненадолго. Без спортивных достижений, дальних походов и попыток проверить, насколько быстро вы способны добежать до ближайшего светофора.

— Я вообще-то очень дисциплинированный человек.

Она посмотрела на него таким взглядом, что он рассмеялся.

— Хорошо, почти дисциплинированный.

— Уже ближе к правде.

Елена убрала планшет.

— Если хотите, я сама с вами схожу. Мне всё равно нужно выйти ненадолго.

Максим ошалел на секунду. Он прекрасно понимал, что предложение совершенно естественное. Врач идёт с пациентом. Она контролирует его состояние, не более того. Но

именно эта простая фраза вдруг отозвалась внутри гораздо сильнее, чем следовало.

— Конечно, — сказал он. — Я буду вести себя прилично.

— Это обязательное условие.

Они вышли из больницы около четырёх. На улице оказалось удивительно солнечно. После нескольких дождливых дней город словно решил наверстать упущенное и вытащил из-за облаков прозрачное осеннее небо. Воздух был прохладным, но приятным, и солнце уже не грело по-летнему, а лишь мягко освещало мокрые тротуары, машины и жёлтые листья, которые ветер время от времени подхватывал с земли.

Максим остановился у крыльца. Он глубоко вдохнул. Обычный воздух. Запах мокрого асфальта, листвы, бензина, далёкого кофе из маленького кафе неподалёку. Ничего особенного. И всё же после недели в больнице это ощущалось почти роскошью.

— Ну как? — спросила Елена.

— Слишком много воздуха.

Она улыбнулась.

— Воздух тоже нужно дозировать?

— Я пока привыкаю.

Они медленно пошли вдоль дорожки. Елена шла рядом, немного отставая от него, чтобы следить за темпом. Максим заметил.

— Вы меня контролируете.

— Разумеется.

— Даже на улице?

— Особенно на улице.

— А если я убегу?

— Догоню. - легкая улыбка.

Он посмотрел на неё.

— Вот теперь мне интересно.

— Что именно?

— Как именно вы собираетесь догонять человека, который на голову выше вас и занимался пожарной подготовкой.

— Очень просто. Позову медсестру.

Максим рассмеялся.

— Сильная стратегия.

Они продолжили идти. Поначалу Максим говорил больше. О городе, погоде, о том, что больница снаружи выглядит гораздо обычнее, чем изнутри. О том, что он за эти дни успел соскучиться по самым нелепым вещам - по нормальному кофе, по собственной ванной, по возможности открыть холодильник и самому решить, что там будет на ужин. Елена слушала, иногда отвечала, а иногда просто улыбалась. И постепенно поймала себя на мысли, что сейчас впервые смотрит на него совершенно иначе.

Без больничной кровати, без капельницы, без планшета. В обычной одежде Максим выглядел гораздо моложе своих сорока. Плечи казались шире, походка - увереннее. Он шёл медленно из-за её настояния, но даже так было заметно, на-

сколько он активный.

— Вы всё время двигаетесь так, будто куда-то спешите,
— сказала Елена.

— Я долго спешил.

— А теперь?

Он задумался.

— Теперь пока учусь ходить без цели.

Елена посмотрела на него.

— Трудная задача?

— Очень.

Они свернули в сторону небольшой аллеи. Несколько минут шли молча. Елена почувствовала неожиданное спокойствие. Здесь не было ни больничных стен, ни чужих голосов, ни ощущения, что за дверью обязательно нужно кому-то помочь. Просто осенний день. Просто двое людей. Она первой нарушила тишину:

— Вы скучаете по работе?

Максим не ответил сразу.

— Иногда.

— А иногда?

— Чаще, чем хотел бы.

Он провёл рукой по перилам у дорожки, словно размышляя.

— Я думал, что после ухода будет проще. Все вокруг говорили: отдохнёшь, займёшься собой, найдёшь что-нибудь новое. А оказалось, что самое сложное - понять, кем ты яв-

ляешься, когда у тебя больше нет того, чем ты был много лет.

Елена слушала.

— Наверное, поэтому вы так плохо лежите, — сказала она.

Он улыбнулся.

— Наверное.

— Вам всё время хочется что-то делать.

— Да.

— Даже сейчас.

— Сейчас мне хочется кое-чего другого.

Елена повернула голову.

— Чего?

Он посмотрел на неё, пробежался глазами пости от пят до макушки. Несколько секунд они шли молча. Максим улыбнулся, но не ответил.

— Вот так лучше, — сказала Елена. — А то я уже испугалась, что вы опять ползете чинить больничную систему.

— Нет. С ней бесполезно бороться.

— Разумный вывод.

Они остановились у небольшой скамейки. Елена посмотрела на него.

— Посидим немного?

— Я думал, вы боитесь, что я устану.

— Именно поэтому и предлагаю.

Максим сел. Елена устроилась рядом. Между ними оставалось совсем немного расстояния, достаточно, чтобы она

чувствовала его присутствие рядом не только как присутствие пациента. Некоторое время они просто смотрели перед собой. На мокрые дорожки. На прохожих. На деревья, с которых ветер срывал последние листья.

— Знаете, — сказал Максим, — я в больнице впервые понял, что тишина может быть разной.

— Какой?

— Дома она была пустой.

Елена повернула к нему голову.

— А здесь?

Он посмотрел на неё.

— Здесь она иногда бывает хорошей.

Она ничего не ответила. В этот момент заметила, что их руки лежат совсем рядом на скамейке. Её пальцы почти касались его. Совсем немного. Когда они вернулись в отделение, Максим выглядел заметно спокойнее. Елена остановилась возле его палаты.

— Сегодня больше никаких прогулок.

— А завтра?

— Посмотрим.

— У вас это любимое слово?

— Одно из любимых.

Он улыбнулся.

— Тогда буду надеяться на лучшее.

Елена уже хотела уйти, когда Максим тихо сказал:

— Спасибо.

Она посмотрела на него.

— За что?

— За улицу.

— Это всего лишь прогулка.

— Для меня сегодня - нет.

Елена почувствовала лёгкое тепло в груди. Она ничего не ответила, только улыбнулась и ушла. А Максим ещё долго стоял у двери палаты, глядя ей вслед. В этот день он впервые понял одну вещь. Ему хотелось не просто выйти из больницы. Ему хотелось, чтобы она однажды вышла вместе с ним из неё уже не потому, что была его врачом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.